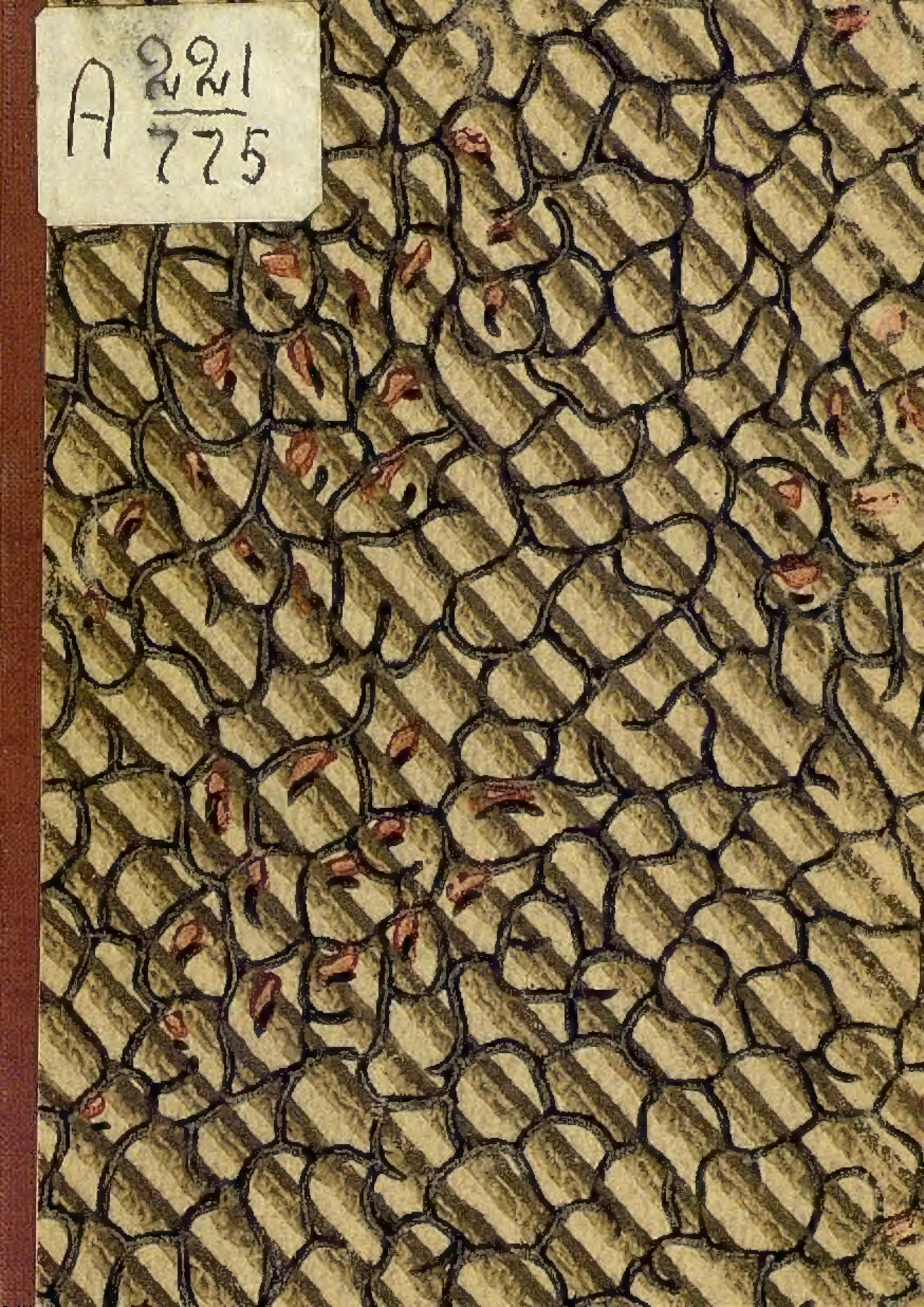
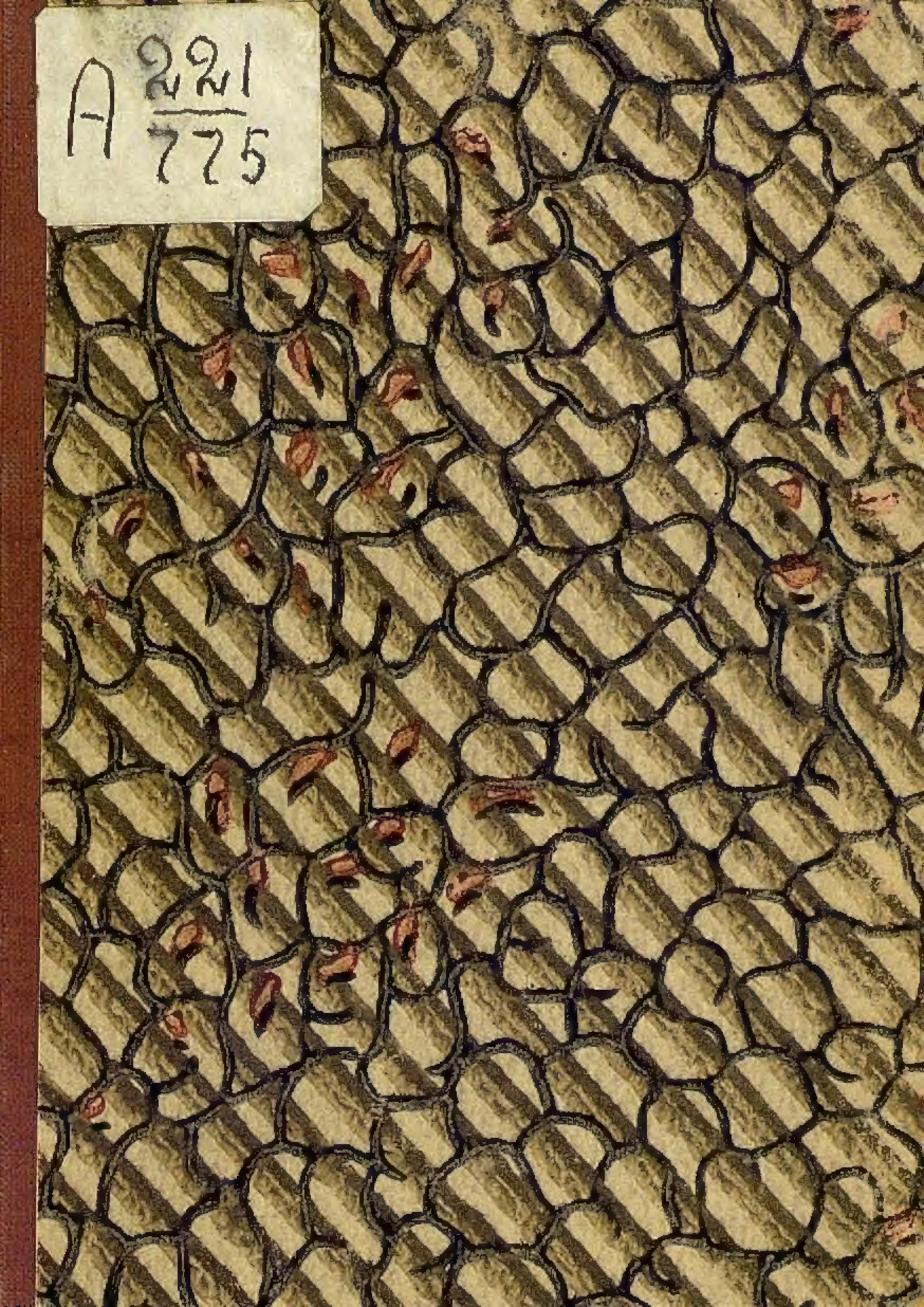

A 221
775

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

I. Бикерманъ.

Россійская революція
и
Государственная Дума.

Цѣна 10 коп.

С.-Петербургъ.
1907.

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

I. Бикерманъ.

Россійская революція

и

Государственная Дума.

Цѣна 10 коп.

С.-Петербургъ.

1907.

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

I. Бикерманъ

Россійская революція и государственная дума

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

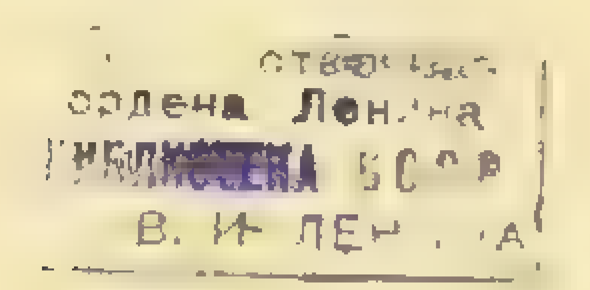
І. Бикерманъ

Россійская революція и государственная дума

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Типографія П. П. Фридберга, С.-Петербургъ, Б. Самсоніевскій пр., 62.

Типографія П. П. Фридберга, С.-Петербургъ, Б. Самсоніевскій пр., 62.

I.

Выборы въ первую думу. *)

Выборы повсемѣстно почти окончились, въ Таврическомъ дворцѣ уже вторую недѣлю работаютъ народные избранники, а „бойкотъ“ все не перестаетъ занимать умы, все вызываетъ споры; имъ много занимались на только-что окончившемся съѣздѣ соціалъ-демократической партіи, къ нему то и дѣло возвращаются газеты, онъ часто всплываетъ въ различныхъ собраніяхъ. Оно и понятно. Вопросъ о бойкотѣ, понимаемый широко, это—вопросъ о значеніи—количественномъ и качественномъ—въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, — не выборовъ только, а парламентскаго дѣйствія вообще. А „моментъ“ еще продолжается. Если по отношенію къ думѣ не можетъ быть въ настоящую минуту рѣчи о бойкотѣ въ смыслѣ противодѣйствія ей, какъ это понималось въ отношеніи выборовъ, то все же различныя общественныя группы возлагаютъ на думу различныя ожиданія, разно оцѣниваютъ самый фактъ ея существованія и, сообразно съ этимъ, предъявляютъ къ ней различныя требованія. И различіе отношенія къ думѣ коренится въ томъ различіи пониманія переживаемаго момента и отношенія

*) Первыя три главки настоящей брошюры были напечатаны весною настоящаго года въ ежедневныхъ изданіяхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Вопросы тактики текущаго момента»; настоящая глава была напечатана 10 мая.

I.

Выборы въ первую думу. *)

Выборы повсемѣстно почти окончились, въ Таврическомъ дворцѣ уже вторую недѣлю работаютъ народные избранники, а „бойкотъ" все не перестаетъ занимать умы, все вызываетъ споры; имъ много занимались на только-что окончившемся съѣздѣ соціалъ-демократической партіи, къ нему то и дѣло возвращаются газеты, онъ часто всплываетъ въ различныхъ собраніяхъ. Оно и понятно. Вопросъ о бойкотѣ, понимаемый широко, это—вопросъ о значеніи—количественномъ и качественномъ—въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, — не выборовъ только, а парламентскаго дѣйствія вообще. А „моментъ" еще продолжается. Если по отношенію къ думѣ не можетъ быть въ настоящую минуту рѣчи о бойкотѣ въ смыслѣ противодѣйствія ей, какъ это понималось въ отношеніи выборовъ, то все же различныя общественныя группы возлагаютъ на думу различныя ожиданія, разно оцѣниваютъ самый фактъ ея существованія и, сообразно съ этимъ, предъявляютъ къ ней различныя требованія. И различіе отношенія къ думѣ коренится въ томъ различіи пониманія переживаемаго момента и отношенія

*) Первыя три главки настоящей брошюры были напечатаны весною настоящаго года въ ежедневныхъ изданіяхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Вопросы тактики текущаго момента»; настоящая глава была напечатана 10 мая.

къ нему, которое раздѣлило общество на избирающихъ и бойкотирующихъ. Вотъ почему имѣетъ злободневный интересъ провѣрить правильность тактики бойкота во время выборной кампаніи.

И раньше всего—имѣла ли идея бойкота какой-либо успѣхъ, нашла ли она отзвукъ въ массѣ населенія? „Меньшевикъ“ г. Данъ утверждалъ, что тактика бойкота можетъ въ лучшемъ случаѣ „привести къ самоустраненію отъ участія въ избирательной кампаніи лишь наиболѣе передовыхъ элементовъ пролетаріата“. Дѣйствительность, значитъ, оказалась лучше лучшаго, ибо участвовала, наоборотъ, въ выборахъ лишь незначительная и наиболѣе отсталая часть пролетаріата. Въ Петербургѣ приняло участіе въ выборахъ не болѣе 10% фабрично-заводскихъ рабочихъ; въ Польшѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ участіе рабочихъ было еще меньше; на югѣ, въ центрѣ — всюду, за исключеніемъ, можетъ быть, Москвы, въ выборахъ принимало участіе лишь болѣе или менѣе незначительное меньшинство и притомъ—отсталое меньшинство. Но рабочіе составляютъ лишь небольшую часть населенія; какъ же былъ принятъ бойкотъ въ главной массѣ населенія? Главная масса населенія—въ деревнѣ. Деревня не приняла бойкота, но она не приняла также и выборовъ. Ни то, ни другое не могло быть ею принято по той простой причинѣ, что не было ей предложено. Не деревня избирала, а волостной сходъ; деревня нигдѣ почти не использовала даже своего права переизбрать, въ виду выборовъ, волостной сходъ. Мѣстами крестьяне жестоко поплатились за попытку использовать это право свое, какъ, напр., въ деревнѣ Станиславово, херс. губ., гдѣ было выпорото 18 человѣкъ крестьянъ именно за это преступленіе. И именно потому, что дѣло выборовъ отъ крестьянъ было передано въ руки волостного схода, уже давно и спра-

къ нему, которое раздѣлило общество на избирающихъ и бойкотирующихъ. Вотъ почему имѣетъ злободневный интересъ провѣрить правильность тактики бойкота во время выборной кампаніи.

И раньше всего—имѣла ли идея бойкота какой-либо успѣхъ, нашла ли она отзвукъ въ массѣ населенія? „Меньшевикъ“ г. Данъ утверждалъ, что тактика бойкота можетъ въ лучшемъ случаѣ „привести къ самоустраненію отъ участія въ избирательной кампаніи лишь наиболѣе передовыхъ элементовъ пролетаріата“. Дѣйствительность, значитъ, оказалась лучше лучшаго, ибо участвовала, наоборотъ, въ выборахъ лишь незначительная и наиболѣе отсталая часть пролетаріата. Въ Петербургѣ приняло участіе въ выборахъ не болѣе 10% фабрично-заводскихъ рабочихъ; въ Польшѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ участіе рабочихъ было еще меньше; на югѣ, въ центрѣ — всюду, за исключеніемъ, можетъ быть, Москвы, въ выборахъ принимало участіе лишь болѣе или менѣе незначительное меньшинство и притомъ—отсталое меньшинство. Но рабочіе составляютъ лишь небольшую часть населенія; какъ же былъ принятъ бойкотъ въ главной массѣ населенія? Главная масса населенія—въ деревнѣ. Деревня не приняла бойкота, но она не приняла также и выборовъ. Ни то, ни другое не могло быть ею принято по той простой причинѣ, что не было ей предложено. Не деревня избирала, а волостной сходъ; деревня нигдѣ почти не использовала даже своего права переизбрать, въ виду выборовъ, волостной сходъ. Мѣстами крестьяне жестоко поплатились за попытку использовать это право свое, какъ, напр., въ деревнѣ Станиславово, херс. губ., гдѣ было выпорото 18 человѣкъ крестьянъ именно за это преступленіе. И именно потому, что дѣло выборовъ отъ крестьянъ было передано въ руки волостного схода, уже давно и спра-

ведливо не пользующагося ихъ довѣріемъ, всѣ вѣроятности были за то, что пропаганда бойкота встрѣчена была бы деревней сочувственно и вызвала бы въ ней движеніе въ защиту правъ крестьянства. Но уже въ январѣ, когда споръ о бойкотѣ былъ въ полномъ разгарѣ, было ясно, что при этихъ условіяхъ „крайніе“ не могутъ агитировать въ деревнѣ ни за, ни противъ бойкота: все, что было въ деревнѣ „неблагонадежнаго“, было убрано оттуда, а новымъ доступъ былъ затрудненъ больше, чѣмъ когда-либо прежде. Лишь въ томъ случаѣ, если бы къ „бойкоту“ присоединилась оппозиція, скажемъ опредѣленно—та часть интеллигентнаго общества, которая вошла въ составъ конституціонно-демократической партіи, идея эта могла бы распространиться въ деревнѣ и вызвать соотвѣтствующія послѣдствія. Выборы показали, что деревня, во многихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, при всемъ ея нерасположеніи къ „господамъ“ вообще, ясно отличаетъ господъ-реакціонеровъ отъ господъ-либераловъ; и если бы до нея дошло, что къ выборамъ причастны только тѣ господа, отъ которыхъ несетъ земскимъ начальникомъ, то впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на передовую часть деревни, было бы огромное. Мы не имѣемъ, слѣдовательно, основанія говорить, что деревня не приняла бойкота —не приняла его оппозиціонная интеллигенція, которая и въ этомъ случаѣ осталась вѣрна себѣ. И это еще болѣе вѣрно по отношенію къ городской обывательщинѣ. Выборы показали, что за гг. Столыпинами она не пошла бы. Если бы тактика бойкота была принята оппозиціей, то октябристы, можетъ быть, получили бы тысячу, другую лишнихъ голосовъ... Но возможно, что тогда и до голосовъ не дошло бы.

Какъ прошли выборы? Сторонники участія такъ много благъ отъ нихъ ожидали, такъ много и краснорѣчиво доказывали намъ, что выборы это— пропаган-

вѣдливо не пользующагося ихъ довѣріемъ, всѣ вѣроятности были за то, что пропаганда бойкота встрѣчена была бы деревней сочувственно и вызвала бы въ ней движеніе въ защиту правъ крестьянства. Но уже въ январѣ, когда споръ о бойкотѣ былъ въ полномъ разгарѣ, было ясно, что при этихъ условіяхъ „крайніе“ не могутъ агитировать въ деревнѣ ни за, ни противъ бойкота: все, что было въ деревнѣ „неблагонадежнаго“, было убрано оттуда, а новымъ доступъ былъ затрудненъ больше, чѣмъ когда-либо прежде. Лишь въ томъ случаѣ, если бы къ „бойкоту“ присоединилась оппозиція, скажемъ опредѣленно—та часть интеллигентнаго общества, которая вошла въ составъ конституціонно-демократической партіи, идея эта могла бы распространиться въ деревнѣ и вызвать соотвѣтствующія послѣдствія. Выборы показали, что деревня, во многихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, при всемъ ея нерасположеніи къ „господамъ“ вообще, ясно отличаетъ господъ-реакціонеровъ отъ господъ-либераловъ; и если бы до нея дошло, что къ выборамъ причастны только тѣ господа, отъ которыхъ несетъ земскимъ начальникомъ, то впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на передовую часть деревни, было бы огромное. Мы не имѣемъ, слѣдовательно, основанія говорить, что деревня не приняла бойкота—не приняла его оппозиціонная интеллигенція, которая и въ этомъ случаѣ осталась вѣрна себѣ. И это еще болѣе вѣрно по отношенію къ городской обывательщинѣ. Выборы показали, что за гг. Столыпинами она не пошла бы. Если бы тактика бойкота была принята оппозиціей, то октябристы, можетъ быть, получили бы тысячу, другую лишнихъ голосовъ... Но возможно, что тогда и до голосовъ не дошло бы.

Какъ прошли выборы? Сторонники участія такъ много благъ отъ нихъ ожидали, такъ много и краснорѣчиво доказывали намъ, что выборы это—пропаган-

да, агитація, организація массъ, предметное обученіе для массъ. Было все это? Раньше всего нужно сказать, что „крайніе“, принявшіе тактику бойкота, ничего въ этомъ отношеніи не потеряли, ничего не упустили. Подъ вліяніемъ либеральныхъ рѣчей въ думѣ начинаютъ уже забывать, при какихъ условіяхъ происходили выборы, хотя они еще и не успѣли окончиться. Революціонная демократія не имѣла фактически возможности широко и открыто участвовать въ выборахъ— все равно за или противъ нихъ; да и не только революціонная, а вообще демократія—безъ спасительной прибавки „конституціонная“. Петербуржцы, вѣроятно, помнятъ частыя жалобы гг. Явейна, Хижнякова и др.— жалобы въ газеты на начальство, упорно не разрѣшавшее имъ, вопреки всякимъ законамъ, устраивать предвыборныя собранія. Партія конст.-дем.—это максимумъ того, что, при всемъ безстыдномъ давленіи на нихъ, все же терпѣлось г. Дурново. И не потому даже конст.-дем. отчасти терпѣлись, что они достаточно лойяльны, а потому, что они оказались единственной не-правительственной партіей, участвовавшей въ выборахъ. Нужно же было хоть въ малѣйшей мѣрѣ соблюсти декорумъ передъ Европой,—тѣмъ болѣе, что заемъ еще тогда не былъ сдѣланъ. А партія эта столь на виду, столь извѣстна, столь именита, такъ въ ней много академиковъ, профессоровъ, графовъ и князей, и не только въ столицѣ, но также и въ провинціальныхъ городахъ. Демократія могла бы участвовать въ предвыборной кампаніи— агитировать, организовывать и т. д.—лишь нелегально. Нелегальное участіе въ выборахъ психологически не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только бойкотомъ. Какъ бы тамъ не резонерствовали всякаго рода книжники, когда людей, приглашенныхъ осуществить актъ своей верховной воли, окружаютъ, въ буквальномъ смыслѣ, штыками и нагайка-

да, агитація, организація массъ, предметное обученіе для массъ. Было все это? Раньше всего нужно сказать, что „крайніе“, принявшіе тактику бойкота, ничего въ этомъ отношеніи не потеряли, ничего не упустили. Подъ вліяніемъ либеральныхъ рѣчей въ думѣ начинаютъ уже забывать, при какихъ условіяхъ происходили выборы, хотя они еще и не успѣли окончиться. Революціонная демократія не имѣла фактически возможности широко и открыто участвовать въ выборахъ— все равно за или противъ нихъ; да и не только революціонная, а вообще демократія—безъ спасительной прибавки „конституціонная“. Петербуржцы, вѣроятно, помнятъ частыя жалобы гг. Явейна, Хижнякова и др.— жалобы въ газеты на начальство, упорно не разрѣшавшее имъ, вопреки всякимъ законамъ, устраивать предвыборныя собранія. Партія конст.-дем.—это максимумъ того, что, при всемъ безстыдномъ давленіи на нихъ, все же терпѣлось г. Дурново. И не потому даже конст.-дем. отчасти терпѣлись, что они достаточно лойяльны, а потому, что они оказались единственной не-правительственной партіей, участвовавшей въ выборахъ. Нужно же было хоть въ малѣйшей мѣрѣ соблюсти декорумъ передъ Европой,—тѣмъ болѣе, что заемъ еще тогда не былъ сдѣланъ. А партія эта столь на виду, столь извѣстна, столь именита, такъ въ ней много академиковъ, профессоровъ, графовъ и князей, и не только въ столицѣ, но также и въ провинціальныхъ городахъ. Демократія могла бы участвовать въ предвыборной кампаніи— агитировать, организовывать и т. д.—лишь нелегально. Нелегальное участіе въ выборахъ психологически не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только бойкотомъ. Какъ бы тамъ не резонерствовали всякаго рода книжники, когда людей, приглашенныхъ осуществить актъ своей верховной воли, окружаютъ, въ буквальномъ смыслѣ, штыками и нагайка-

ми, какъ это было на фабрикахъ и заводахъ, избирать можно только фабричную трубу и снѣжную бабу. И то самое психологическое противорѣчіе, которое съ такой яркостью, въ такомъ концентрированномъ видѣ, выступаетъ въ самомъ актѣ выборовъ среди войска всякаго оружія,—это противорѣчіе, въ менѣе сгущенномъ видѣ, заключается вообще въ нелегальномъ, подпольномъ участіи въ предвыборной кампаніи. „Молчаливо, подъ надзоромъ приставленныхъ къ нимъ нынѣ дядекъ, выберутъ рабочіе на фабрикѣ уполномоченнаго"--такъ характеризовалъ я четыре мѣсяца тому назадъ тогда предстоявшіе еще выборы отъ рабочихъ. Къ этому они дѣйствительно свелись тамъ, гдѣ они были. И счастье для Россіи, что къ этимъ выборамъ рабочій классъ и революціонная интеллигенція не присоединились. Очень много говорили о развивающемъ, просвѣтительномъ значеніи выборовъ; въ одномъ лишь номерѣ (5) дневника г. Плеханова высказано по этому поводу столько общихъ сентенцій, что ихъ хватило бы на добрую страницу хорошаго Домостроя. Заботясь столько о просвѣщенномъ разумѣ, просвѣтители забывали о неизмѣримо болѣе важномъ факторѣ въ политикѣ—о волевомъ моментѣ. Г. Плехановъ заявляетъ, что, приглашая соціалъ-демократію участвовать въ выборахъ, *онъ* ни съ чѣмъ не помирился. Не такъ ужъ важно знать, съ чѣмъ помирился г. Плехановъ и съ чѣмъ онъ не помирился. Важно то, что сотни тысячъ рабочихъ не могли бы, психологически не могли бы участвовать въ выборахъ среди этой обстановки, какъ только помирившись съ самой обстановкой. Рабочіе могли бы принимать участіе въ выборахъ, или дѣйствительно примирившись съ несправедливымъ и оскорбительнымъ для нихъ избирательнымъ закономъ,--съ аракчеевщиной во всей Россіи, вообще, и на фабрикахъ и заводахъ, въ особенности, или же

ми, какъ это было на фабрикахъ и заводахъ, избирать можно только фабричную трубу и снѣжную бабу. И то самое психологическое противорѣчіе, которое съ такой яркостью, въ такомъ концентрированномъ видѣ, выступаетъ въ самомъ актѣ выборовъ среди войска всякаго оружія,—это противорѣчіе, въ менѣе сгущенномъ видѣ, заключается вообще въ нелегальномъ, подпольномъ участіи въ предвыборной кампаніи. „Молчаливо, подъ надзоромъ приставленныхъ къ нимъ нынѣ дядекъ, выберутъ рабочіе на фабрикѣ уполномоченнаго"—такъ характеризовалъ я четыре мѣсяца тому назадъ тогда предстоявшіе еще выборы отъ рабочихъ. Къ этому они дѣйствительно свелись тамъ, гдѣ они были. И счастье для Россіи, что къ этимъ выборамъ рабочій классъ и революціонная интеллигенція не присоединились. Очень много говорили о развивающемъ, просвѣтительномъ значеніи выборовъ; въ одномъ лишь номерѣ (5) дневника г. Плеханова высказано по этому поводу столько общихъ сентенцій, что ихъ хватило бы на добрую страницу хорошаго Домостроя. Заботясь столько о просвѣщенномъ разумѣ, просвѣтители забывали о неизмѣримо болѣе важномъ факторѣ въ политикѣ—о волевомъ моментѣ. Г. Плехановъ заявляетъ, что, приглашая соціалъ-демократію участвовать въ выборахъ, *онъ* ни съ чѣмъ не помирился. Не такъ ужъ важно знать, съ чѣмъ помирился г. Плехановъ и съ чѣмъ онъ не помирился. Важно то, что сотни тысячъ рабочихъ не могли бы, психологически не могли бы участвовать въ выборахъ среди этой обстановки, какъ только помирившись съ самой обстановкой. Рабочіе могли бы принимать участіе въ выборахъ, или дѣйствительно примирившись съ несправедливымъ и оскорбительнымъ для нихъ избирательнымъ закономъ,—съ аракчеевщиной во всей Россіи, вообще, и на фабрикахъ и заводахъ, въ особенности, или же

подавивъ въ себѣ негодованіе на всѣ насилія и издѣвательства — въ надеждѣ на благіе результаты своего благоразумія. Г. Плехановъ, можетъ быть, находитъ, что это и было бы хорошо. Я думаю, что нація, которая въ разгарѣ борьбы съ вѣковыми угнетателями, два—три мѣсяца послѣ проявленныхъ геройскихъ усилій, способна была бы вся, во всѣхъ своихъ частяхъ, не исключая самыхъ боевыхъ группъ, преисполниться благоразуміемъ, подавивъ въ себѣ гнѣвъ и негодованіе, — я думаю, что такая нація была бы обречена на долгое, долгое рабство.

Вернемся къ поставленному выше вопросу. Что дали выборы для агитаціи, мобилизаціи и организаціи массъ? Нужно различать агитацію и мобилизацію открытую, публичную, явную, оформленную, отъ той агитаціи и мобилизаціи, которая совершается непублично, невидимо. Собранія, рѣчи, съѣзды—это публичная организація и мобилизація; разговоры и споры въ семьѣ, въ трактирѣ, въ мастерской за станкомъ, въ магазинѣ за прилавкомъ—это невидимая, молекулярная работа внутри общественнаго организма. Агитація перваго рода была, какъ я уже говорилъ, фактически невозможна для демократическихъ элементовъ общества. Для внутренней, молекулярой работы рѣзкій революціонный лозунгъ бойкота былъ несомнѣнно сильнѣйшимъ стимуломъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, куда онъ проникъ. Кто слѣдилъ за тѣмъ, сколько настойчивости, упорства и изворотливости, часто—мужества проявляли рабочіе въ борьбѣ съ общей и фабричной администраціей за бойкотъ, за свое право не избирать, тотъ долженъ будетъ согласиться, что въ средѣ рабочихъ массъ происходила большая молекулярная политическая работа. И въ средѣ такъ называемаго общества глухіе и нѣмые выборы оживились нѣсколько лишь благодаря лозунгу бойкота. Гораздо больше занималъ умы во-

подавивъ въ себѣ негодованіе на всѣ насилія и издѣвательства — въ надеждѣ на благіе результаты своего благоразумія. Г. Плехановъ, можетъ быть, находитъ, что это и было бы хорошо. Я думаю, что нація, которая въ разгарѣ борьбы съ вѣковыми угнетателями, два—три мѣсяца послѣ проявленныхъ геройскихъ усилій, способна была бы вся, во всѣхъ своихъ частяхъ, не исключая самыхъ боевыхъ группъ, преисполниться благоразуміемъ, подавивъ въ себѣ гнѣвъ и негодованіе, — я думаю, что такая нація была бы обречена на долгое, долгое рабство.

Вернемся къ поставленному выше вопросу. Что дали выборы для агитаціи, мобилизаціи и организаціи массъ? Нужно различать агитацію и мобилизацію открытую, публичную, явную, оформленную, отъ той агитаціи и мобилизаціи, которая совершается непублично, невидимо. Собранія, рѣчи, съѣзды—это публичная организація и мобилизація; разговоры и споры въ семьѣ, въ трактирѣ, въ мастерской за станкомъ, въ магазинѣ за прилавкомъ—это невидимая, молекулярная работа внутри общественнаго организма. Агитація перваго рода была, какъ я уже говорилъ, фактически невозможна для демократическихъ элементовъ общества. Для внутренней, молекулярой работы рѣзкій революціонный лозунгъ бойкота былъ несомнѣнно сильнѣйшимъ стимуломъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, куда онъ проникъ. Кто слѣдилъ за тѣмъ, сколько настойчивости, упорства и изворотливости, часто—мужества проявляли рабочіе въ борьбѣ съ общей и фабричной администраціей за бойкотъ, за свое право не избирать, тотъ долженъ будетъ согласиться, что въ средѣ рабочихъ массъ происходила большая молекулярная политическая работа. И въ средѣ такъ называемаго общества глухіе и нѣмые выборы оживились нѣсколько лишь благодаря лозунгу бойкота. Гораздо больше занималъ умы во-

просъ: выбирать или не выбирать?—чѣмъ вопросъ: кого выбирать? Гораздо больше обсуждалось и выяснялось положенiе вещей въ разговорахъ и спорахъ о бойкотѣ, чѣмъ въ избирательной борьбѣ между различными кандидатами. Сторонники выборовъ признали бойкотъ недѣланiемъ: *не* участвовать, значитъ—*не* дѣлать. Этимъ глупымъ этимологическимъ кунстштюкомъ аргументировали и продолжаютъ аргументировать, совершенно забывая, что нѣтъ и не можетъ быть такого лозунга, который бы мгновенно покорилъ мiръ. Теперь шла борьба между бойкотистами и, преимущественно, конституцiоналистами-демократами; если бы эти послѣднiе присоединились къ бойкоту, то борьба шла бы между всей опозицiей и реакцiей; дѣланiя было бы гораздо больше. Для огромной части Россiи недѣланiемъ оказались именно выборы. Въ столицахъ и большихъ провинцiальныхъ городахъ шла, хотя и вялая, слабая, придушенная, но все же шла нѣкоторая агитацiя. Въ неизмѣримо болѣе обширной уѣздной Россiи никакой предвыборной агитацiи не было—ни явной, ни скрытой, ни наружной, ни внутренней; о мобилизацiи и организацiи массъ выборнымъ процессомъ, какъ онъ прошелъ въ уѣздахъ, говорить даже смѣшно. Деревня, какъ я уже говорилъ, даже не использовала своего права избирать новый составъ волостного схода предъ выборами уполномоченныхъ; въ уѣздахъ про выборы только слыхали. Вотъ корресподенцiя изъ Городища, пензенской губернiи: „На дняхъ закончилась выборная компанiя въ государственную думу по нашему уѣзду. Выборы уполномоченныхъ отъ крестьянъ на волостныхъ сходахъ были въ большинствѣ „слѣпые". О государственной думѣ крестьяне имѣютъ весьма смутное представленiе. Рѣшительно никто не разъяснялъ имъ нашей „конституцiи", да и не рѣшался. Горькiй опытъ показалъ, что разговоры съ крестьянами вле-

просъ: выбирать или не выбирать?—чѣмъ вопросъ: кого выбирать? Гораздо больше обсуждалось и выяснялось положеніе вещей въ разговорахъ и спорахъ о бойкотѣ, чѣмъ въ избирательной борьбѣ между различными кандидатами. Сторонники выборовъ признали бойкотъ недѣланіемъ: *не* участвовать, значитъ—*не* дѣлать. Этимъ глупымъ этимологическимъ кунстштюкомъ аргументировали и продолжаютъ аргументировать, совершенно забывая, что нѣтъ и не можетъ быть такого лозунга, который бы мгновенно покорилъ міръ. Теперь шла борьба между бойкотистами и, преимущественно, конституціоналистами-демократами; если бы эти послѣдніе присоединились къ бойкоту, то борьба шла бы между всей опозиціей и реакціей; дѣланія было бы гораздо больше. Для огромной части Россіи недѣланіемъ оказались именно выборы. Въ столицахъ и большихъ провинціальныхъ городахъ шла, хотя и вялая, слабая, придушенная, но все же шла нѣкоторая агитація. Въ неизмѣримо болѣе обширной уѣздной Россіи никакой предвыборной агитаціи не было—ни явной, ни скрытой, ни наружной, ни внутренней; о мобилизаціи и организаціи массъ выборнымъ процессомъ, какъ онъ прошелъ въ уѣздахъ, говорить даже смѣшно. Деревня, какъ я уже говорилъ, даже не использовала своего права избирать новый составъ волостного схода предъ выборами уполномоченныхъ; въ уѣздахъ про выборы только слыхали. Вотъ корресподенція изъ Городища, пензенской губерніи: „На дняхъ закончилась выборная компанія въ государственную думу по нашему уѣзду. Выборы уполномоченныхъ отъ крестьянъ на волостныхъ сходахъ были въ большинствѣ „слѣпые“. О государственной думѣ крестьяне имѣютъ весьма смутное представленіе. Рѣшительно никто не разъяснялъ имъ нашей „конституціи“, да и не рѣшался. Горькій опытъ показалъ, что разговоры съ крестьянами вле-

кутъ за собой печальныя послѣдствія. Были попытки къ разъясненію манифеста 17 октября, но радѣтели народа сидятъ въ тюрьмѣ (земскій врачъ Ельневъ, учителя Роговъ, Александровъ и др.) уже 5-ый мѣсяцъ; нѣтъ никакой пощады и крестьянамъ, не пользующимся довѣріемъ начальства, начиная со стражника и старшины и кончая земскимъ исправникомъ: ихъ немилосердно и жестоко бьютъ и полицейскіе, и казаки и тащатъ въ тюрьму. О какихъ-либо предвыборныхъ совѣщаніяхъ не могло быть и рѣчи» и т. д.*) Такихъ сообщеній очень много въ газетахъ; но если бы даже не было ни одной такой коресподенціи, то и тогда мы могли бы быть увѣрены, что при избирательной системѣ, устраняющей народную массу отъ участія въ выборахъ, при солдатскомъ произволѣ, одинаково царящемъ въ деревнѣ и въ мѣстахъ, объявленныхъ на военномъ положеніи и въ необъявленныхъ,—никакой мобилизаціи и организаціи выборы совершить не могли. И теперь, при наличности плачевныхъ извѣстій изъ многихъ мѣстъ, мы можемъ быть увѣрены, что хуже всего обстоитъ дѣло въ тѣхъ мѣстахъ, откуда свѣдѣній у насъ нѣтъ: гдѣ ничего не дѣлается, оттуда ничего не пишутъ. При избирательномъ законѣ Булыгина-Витте, при свободѣ, охраняемой Витте-Дурново, избирательный процессъ могъ привести въ движеніе народныя массы лишь въ томъ случаѣ, если бы въ деревню проникла и пустила въ ней корни идея бойкота; если бы передовая, по крайней мѣрѣ, деревня посмотрѣла на роль, которую избирательный законъ предоставляетъ ошельмованному въ глазахъ крестьянства волостному сходу, какъ на узурпацію своихъ правъ, что въ самомъ дѣлѣ и есть. Но при настоящихъ условіяхъ такое настроеніе не могло быть вызвано въ деревнѣ

*) „Наша Жизнь“ отъ 13 апрѣля.

кутъ за собой печальныя послѣдствія. Были попытки къ разъясненію манифеста 17 октября, но радѣтели народа сидятъ въ тюрьмѣ (земскій врачъ—Ельцевъ, учителя Роговъ, Александровъ и др.) уже 5-ый мѣсяцъ; нѣтъ никакой пощады и крестьянамъ, не пользующимся довѣріемъ начальства, начиная со стражника и старшины и кончая земскимъ исправникомъ: ихъ немилосердно и жестоко бьютъ и полицейскіе, и казаки и тащатъ въ тюрьму. О какихъ-либо предвыборныхъ совѣщаніяхъ не могло быть и рѣчи» и т. д.*) Такихъ сообщеній очень много въ газетахъ; но если бы даже не было ни одной такой коресподенціи, то и тогда мы могли бы быть увѣрены, что при избирательной системѣ, устраняющей народную массу отъ участія въ выборахъ, при солдатскомъ произволѣ, одинаково царящемъ въ деревнѣ и въ мѣстахъ, объявленныхъ на военномъ положеніи и въ необъявленныхъ,—никакой мобилизаціи и организаціи выборы совершить не могли. И теперь, при наличности плачевныхъ извѣстій изъ многихъ мѣстъ, мы можемъ быть увѣрены, что хуже всего обстоитъ дѣло въ тѣхъ мѣстахъ, откуда свѣдѣній у насъ нѣтъ: гдѣ ничего не дѣлается, оттуда ничего не пишутъ. При избирательномъ законѣ Булыгина-Витте, при свободѣ, охраняемой Витте-Дурново, избирательный процессъ могъ привести въ движеніе народныя массы лишь въ томъ случаѣ, если бы въ деревню проникла и пустила въ ней корни идея бойкота; если бы передовая, по крайней мѣрѣ, деревня посмотрѣла на роль, которую избирательный законъ предоставляетъ ошельмованному въ глазахъ крестьянства волостному сходу, какъ на узурпацію своихъ правъ, что въ самомъ дѣлѣ и есть. Но при настоящихъ условіяхъ такое настроеніе не могло быть вызвано въ деревнѣ

*) „Наша Жизнь“ отъ 13 апрѣля.

проповѣдью отдѣльными смѣльчаками идеи бойкота. Бойкотъ могъ проникнуть въ деревню не интенсивнымъ путемъ, а экстенсивнымъ, если бы лозунгъ этотъ былъ принятъ не только революціонными элементами, но и оппозиціей. Но каковы бы ни были формы и размѣры движенія, которое могло бы быть вызвано въ народной массѣ бойкотомъ, оно по существу своему было бы революціоннымъ. И оппозиція была только послѣдовательна, отвергнувши этотъ лозунгъ.

Люди, которые заранѣе рѣшили, что плодотворна только „систематическая организація общественныхъ силъ“ *), т. е. организація, которая, совершаясь въ предѣлахъ дозволеннаго или терпимаго, проявляется въ съѣздахъ, выборахъ и резолюціяхъ, или „многочисленныхъ выраженіяхъ солидарности“, а все прочее есть только „путь бланкизма“, словечки, которыми затыкаютъ всѣ дыры, — эти люди не могли, конечно, присоединиться къ бойкоту.

Если масса населенія въ уѣздахъ фактически осталась въ сторонѣ отъ избирательнаго процесса, почти не была имъ задѣта, то очевидно, что всѣ разговоры о наглядномъ обученіи, которое могли доставить выборы, не больше, какъ пустыя фразы. Деревня знаетъ, что волостной сходъ избираетъ, по приглашенію начальства, уполномоченнаго, котораго она не всюду отличаетъ отъ члена государственной думы, вотъ и вся ея прикосновенность къ выборамъ. Если потомъ она и услышитъ, что выборщикъ начальствомъ арестованъ, то это, при данныхъ условіяхъ, ея ни поразить, ни просвѣтить не можетъ. Сказанному здѣсь вовсе не противорѣчитъ тотъ фактъ, что во многихъ губерніяхъ крестьяне избираютъ въ думу передовыхъ людей. Не пропаганда, которой въ деревнѣ не было,

*) См. передовую статью въ „Рѣчи“ отъ 6 мая.

проповѣдью отдѣльными смѣльчаками идеи бойкота. Бойкотъ могъ проникнуть въ деревню не интенсивнымъ путемъ, а экстенсивнымъ, если бы лозунгъ этотъ былъ принятъ не только революціонными элементами, но и оппозиціей. Но каковы бы ни были формы и размѣры движенія, которое могло бы быть вызвано въ народной массѣ бойкотомъ, оно по существу своему было бы революціоннымъ. И оппозиція была только послѣдовательна, отвергнувши этотъ лозунгъ.

Люди, которые заранѣе рѣшили, что плодотворна только „систематическая организація общественныхъ силъ“ *), т. е. организація, которая, совершаясь въ предѣлахъ дозволеннаго или терпимаго, проявляется въ съѣздахъ, выборахъ и резолюціяхъ, или „многочисленныхъ выраженіяхъ солидарности“, а все прочее есть только „путь бланкизма“, словечки, которыми затыкаютъ всѣ дыры, — эти люди не могли, конечно, присоединиться къ бойкоту.

Если масса населенія въ уѣздахъ фактически осталась въ сторонѣ отъ избирательнаго процесса, почти не была имъ задѣта, то очевидно, что всѣ разговоры о наглядномъ обученіи, которое могли доставить выборы, не больше, какъ пустыя фразы. Деревня знаетъ, что волостной сходъ избираетъ, по приглашенію начальства, уполномоченнаго, котораго она не всюду отличаетъ отъ члена государственной думы, вотъ и вся ея прикосновенность къ выборамъ. Если потомъ она и услышитъ, что выборщикъ начальствомъ арестованъ, то это, при данныхъ условіяхъ, ея ни поразитъ, ни просвѣтить не можетъ. Сказанному здѣсь вовсе не противорѣчитъ тотъ фактъ, что во многихъ губерніяхъ крестьяне избираютъ въ думу передовыхъ людей. Не пропаганда, которой въ деревнѣ не было,

*) См. передовую статью въ „Рѣчи“ отъ 6 мая.

дала эти результаты. Фактъ этотъ указываетъ только на то, что революція, вообще, и, въ особенности, тѣ потрясающія революціонныя дѣйствія, которыя проникаютъ во всѣ избы и пробуждаютъ всѣ умы, переродили и волостной сходъ, такъ что и въ немъ берутъ верхъ прогрессивные элементы. Качества депутатовъ никоимъ образомъ не могутъ служить указаніемъ на тѣсную связь между крестьянствомъ и его представителями; результаты выборовъ показываютъ только, что, какъ теперь ни избирай, казенную думу составить трудно. Пусть попали въ думу всѣ лучшіе люди, это нисколько не измѣняетъ того факта, что деревня не избирала, не просвѣщалась на выборахъ и, что неизмѣримо важнѣе, не проявляла въ нихъ своей воли. Она не пережила того душевнаго аффекта, къ которому сводится все почти психологическое значеніе предвыборной кампаніи и выборовъ, не почувствовала, что изъ безгласной рабыни она становится вершительницей своей судьбы, не почувствовала даже въ той ничтожной мѣрѣ, въ какой это чувствовала хоть часть городской обывательщины. Надежды деревни на думу безспорно велики. Но при томъ способѣ образованія думы, какой имѣлъ здѣсь мѣсто, надежды эти не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ надеждой на талисманъ, на помощь извнѣ, онѣ не связаны съ сознаніемъ собственной силы, съ чувствомъ самопомощи.

Это непримѣнимо развѣ къ очень немногимъ мѣстамъ, — какъ нѣкоторыя мѣстности саратовской губерніи.

Почему апологеты выборовъ не видѣли того, что было очевидно съ самаго начала, того именно, что при данныхъ условіяхъ выборная кампанія можетъ лишь въ небольшой мѣрѣ служить средствомъ агитаціи и еще въ меньшей мѣрѣ средствомъ организаціи? Они говорили не о нашихъ выборахъ, а о выборахъ,

дала эти результаты. Фактъ этотъ указываетъ только на то, что революція, вообще, и, въ особенности, тѣ потрясающія революціонныя дѣйствія, которыя проникаютъ во всѣ избы и пробуждаютъ всѣ умы, переродили и волостной сходъ, такъ что и въ немъ берутъ верхъ прогрессивные элементы. Качества депутатовъ никоимъ образомъ не могутъ служить указаніемъ на тѣсную связь между крестьянствомъ и его представителями; результаты выборовъ показываютъ только, что, какъ теперь ни избирай, казенную думу составить трудно. Пусть попали въ думу всѣ лучшіе люди, это нисколько не измѣняетъ того факта, что деревня не избирала, не просвѣщалась на выборахъ и, что неизмѣримо важнѣе, не проявляла въ нихъ своей воли. Она не пережила того душевнаго аффекта, къ которому сводится все почти психологическое значеніе предвыборной кампаніи и выборовъ, не почувствовала, что изъ безгласной рабыни она становится вершительницей своей судьбы, не почувствовала даже въ той ничтожной мѣрѣ, въ какой это чувствовала хоть часть городской обывательщины. Надежды деревни на думу безспорно велики. Но при томъ способѣ образованія думы, какой имѣлъ здѣсь мѣсто, надежды эти не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ надеждой на талисманъ, на помощь извнѣ, онѣ не связаны съ сознаніемъ собственной силы, съ чувствомъ самопомощи.

Это непримѣнимо развѣ къ очень немногимъ мѣстамъ, — какъ нѣкоторыя мѣстности саратовской губерніи.

Почему апологеты выборовъ не видѣли того, что было очевидно съ самаго начала, того именно, что при данныхъ условіяхъ выборная кампанія можетъ лишь въ небольшой мѣрѣ служить средствомъ агитаціи и еще въ меньшей мѣрѣ средствомъ организаціи? Они говорили не о нашихъ выборахъ, а о выборахъ,

вообще. Въ статьѣ своей противъ бойкота г. Данъ *) ополчается противъ отвлеченнаго разсмотрѣнія вопроса, но отвлеченному онъ самъ противоставитъ не конкретное, а типическое. Онъ рисуетъ типическіе выборы, выборы, какъ они бываютъ вообще, при нормальныхъ условіяхъ, и совершенно правильно заключаетъ, что такіе выборы служатъ громаднымъ орудіемъ агитаціи, организаціи и мобилизаціи массъ.

Совершенно забыть о нашей тяжелой дѣйствительности, назойливо напоминающей о себѣ ежечасно, не могли, конечно, и наиболѣе увлекающіеся сторонники выборовъ; но полагалось, что разъ выборы начнутся, они по природѣ вещей должны вырости въ настоящіе подлинные выборы, а г. Данъ даже надѣялся, что „рабочая масса дружнымъ и непрекращающимся натискомъ сумѣетъ снести всѣ плотины, которыя воздвигнуты на ея пути избирательнымъ закономъ и всѣми другими каторжными законами, которые успѣло уже издать „конституціонное“ министерство“. Вопросъ даже ставили такъ: если у народа не хватитъ силъ, чтобы открываемую предъ нимъ правительствомъ щель въ видѣ выборовъ превратить въ широкую брешь, то откуда же у него возьмутся силы, чтобы вообще вырваться изъ тяжелаго положенія, въ которомъ онъ теперь находится? При этомъ совершенно упускали изъ виду, что именно въ выборахъ, которые всецѣло организуются и инсценируются правительствомъ, вся сила на его сторонѣ, и что *фактъ* военнаго положенія гораздо сильнѣе *идеи* нормальныхъ выборовъ. Окончившіеся выборы доказали это, къ сожалѣнію, слишкомъ убѣдительно.

Мы можемъ теперь подвести итоги тому, что далъ

*) См. брошюру-двойню, выпущенную нашей двуединой соціалъ-демократіей: „Государственная дума и соціалъ-демократія“.

вообще. Въ статьѣ своей противъ бойкота г. Данъ *) ополчается противъ отвлеченнаго разсмотрѣнія вопроса, но отвлеченному онъ самъ противоставитъ не конкретное, а типическое. Онъ рисуетъ типическіе выборы, выборы, какъ они бываютъ вообще, при нормальныхъ условіяхъ, и совершенно правильно заключаетъ, что такіе выборы служатъ громаднымъ орудіемъ агитаціи, организаціи и мобилизаціи массъ.

Совершенно забыть о нашей тяжелой дѣйствительности, назойливо напоминающей о себѣ ежечасно, не могли, конечно, и наиболѣе увлекающіеся сторонники выборовъ; но полагалось, что разъ выборы начнутся, они по природѣ вещей должны вырости въ настоящіе подлинные выборы, а г. Данъ даже надѣялся, что „рабочая масса дружнымъ и непрекращающимся натискомъ сумѣетъ снести всѣ плотины, которыя воздвигнуты на ея пути избирательнымъ закономъ и всѣми другими каторжными законами, которые успѣло уже издать „конституціонное" министерство". Вопросъ даже ставили такъ: если у народа не хватитъ силъ, чтобы открываемую предъ нимъ правительствомъ щель въ видѣ выборовъ превратить въ широкую брешь, то откуда же у него возьмутся силы, чтобы вообще вырваться изъ тяжелаго положенія, въ которомъ онъ теперь находится? При этомъ совершенно упускали изъ виду, что именно въ выборахъ, которые всецѣло организуются и инсценируются правительствомъ, вся сила на его сторонѣ, и что *фактъ* военнаго положенія гораздо сильнѣе *идеи* нормальныхъ выборовъ. Окончившіеся выборы доказали это, къ сожалѣнію, слишкомъ убѣдительно.

Мы можемъ теперь подвести итоги тому, что далъ

*) См. брошюру-двойню, выпущенную нашей двуединой соціалъ-демократіей: „Государственная дума и соціалъ-демократія".

процессъ выборовъ народу. Онъ далъ немного городу и почти не задѣлъ деревни. Часть интеллигенціи и рабочій классъ, бойкотируя выборы, этимъ путемъ проявили максимумъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности, которая при данныхъ условіяхъ была для нихъ возможна, сохранивъ революціонную тенденцію. Что дали выборы—самъ фактъ присоединенія оппозиціи къ нимъ—нашему правительству? Они дали ему все, что ему нужно было: время для упроченія своихъ позицій, деньги для продолженія своихъ дѣлъ и—на время—чуть ли не прежнюю увѣренность въ своихъ силахъ. Не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ низко значеніе этого психологическаго фактора. Когда рѣчь идетъ не о десятилѣтіяхъ, а о мѣсяцахъ и недѣляхъ, когда рѣчь идетъ о лицахъ, въ рукахъ которыхъ находятся узлы все еще могущественной организаціи, то самочувствіе этихъ лицъ имѣетъ немаловажное значеніе.

Не нужно строить схемъ будущаго, „довлѣетъ моменту злоба его"—поучаетъ г. Плехановъ и... зоветъ къ избирательнымъ урнамъ въ воспитательныхъ цѣляхъ, т. е. ради будущихъ благъ. Въ какой именно моментъ былъ поставленъ вопросъ объ участіи или неучастіи въ выборахъ? Можно положительно сказать, что это былъ самый критическій моментъ всего пережитаго нами революціоннаго времени. Вокругъ почтово-телеграфной забастовки завязалась между революціонной Россіей и русскимъ правительствомъ самая упорная, самая жестокая борьба. Было ясно, что если правительство побѣдитъ въ этомъ поединкѣ, то его положеніе упрочится, реакція почувствуетъ приливъ силъ. Уже во время самой схватки оппозиція не исполнила своего долга. Устами нѣкоторыхъ изъ своихъ лидеровъ она вела агитацію противъ забастовки, говорила о цѣнности культуры и о другихъ „вѣчныхъ исти-

процессъ выборовъ народу. Онъ далъ немного городу и почти не задѣлъ деревни. Часть интеллигенціи и рабочій классъ, бойкотируя выборы, этимъ путемъ проявили максимумъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности, которая при данныхъ условіяхъ была для нихъ возможна, сохранивъ революціонную тенденцію.

Что дали выборы—самъ фактъ присоединенія оппозиціи къ нимъ—нашему правительству? Они дали ему все, что ему нужно было: время для упроченія своихъ позицій, деньги для продолженія своихъ дѣлъ и—на время—чуть ли не прежнюю увѣренность въ своихъ силахъ. Не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ низко значеніе этого психологическаго фактора. Когда рѣчь идетъ не о десятилѣтіяхъ, а о мѣсяцахъ и недѣляхъ, когда рѣчь идетъ о лицахъ, въ рукахъ которыхъ находятся узлы все еще могущественной организаціи, то самочуствіе этихъ лицъ имѣетъ немаловажное значеніе.

Не нужно строить схемъ будущаго, „довлѣетъ моменту злоба его"—поучаетъ г. Плехановъ и... зоветъ къ избирательнымъ урнамъ въ воспитательныхъ цѣляхъ, т. е. ради будущихъ благъ. Въ какой именно моментъ былъ поставленъ вопросъ объ участіи или неучастіи въ выборахъ? Можно положительно сказать, что это былъ самый критическій моментъ всего пережитаго нами революціоннаго времени. Вокругъ почтово-телеграфной забастовки завязалась между революціонной Россіей и русскимъ правительствомъ самая упорная, самая жестокая борьба. Было ясно, что если правительство побѣдитъ въ этомъ поединкѣ, то его положеніе упрочится, реакція почувствуетъ приливъ силъ. Уже во время самой схватки оппозиція не исполнила своего долга. Устами нѣкоторыхъ изъ своихъ лидеровъ она вела агитацію противъ забастовки, говорила о цѣнности культуры и о другихъ „вѣчныхъ исти-

нахъ", глубоко ложныхъ въ этотъ исключительно критическій моментъ. Правительство побѣдило; революція несомнѣнно была на нѣкоторое время обезсилена. Что должна была сдѣлать оппозиціи, если бы она хотѣла и была способна исполнить свой долгъ? Она должна была опредѣленно и твердо заявить: пораженіе революціи не есть еще побѣда реакціи, существуетъ еще оппозиція. Считаясь съ важностью и характеромъ момента, конст.-дем. партія, собравшая въ свои ряды почти всю оппозицію, должна была заявить: при военномъ положеніи, среди царства террора, мы въ думу не избираемъ; устраивать страну въ сотрудничествѣ съ вѣроломнымъ и кровожаднымъ правительствомъ мы не можемъ. Одно это заявленіе нанесло бы непоправимый ударъ реакціи, разстроило бы всѣ ея планы; такимъ заявленіемъ реакція дѣйствительно была бы изолирована въ ея собственныхъ глазахъ, въ глазахъ страны, въ глазахъ Европы. Вмѣсто этого, оппозиція строила схемы будущаго, говорила о лойяльной борьбѣ, о чудодѣйственной силѣ избирательной кампаніи и избирательныхъ бюллетеней. Правительство почувствовало, что, кромѣ революціи, у него нѣтъ активныхъ враговъ, а революцію оно, послѣ только что одержанной побѣды, считало уже безсильной. Правительство сразу выросло въ своихъ глазахъ и въ глазахъ реакціонной части общества. Крупный капиталъ и крупное землевладѣніе, потерявшіе уже было вѣру во всемогущество правительственныхъ штыковъ, снова обрѣли ее, и, опираясь на стараго союзника, открыли военныя дѣйствія противъ старыхъ враговъ. Правительство выиграло время и сумѣло, конечно, воспользоваться имъ: вѣдь въ его рукахъ всѣ средства пока. Оно издало длинный рядъ репрессивныхъ законовъ, позднѣйшими дополненіями почти уничтожило манифестъ 17 октября, перебило и перехватало десятки тысячъ неудобныхъ

нахъ“, глубоко ложныхъ въ этотъ исключительно критическій моментъ. Правительство побѣдило; революція несомнѣнно была на нѣкоторое время обезсилена. Что должна была сдѣлать оппозиціи, если бы она хотѣла и была способна исполнить свой долгъ? Она должна была опредѣленно и твердо заявить: пораженіе революціи не есть еще побѣда реакціи, существуетъ еще оппозиція. Считаясь съ важностью и характеромъ момента, конст.-дем. партія, собравшая въ свои ряды почти всю оппозицію, должна была заявить: при военномъ положеніи, среди царства террора, мы въ думу не избираемъ; устраивать страну въ сотрудничествѣ съ вѣроломнымъ и кровожаднымъ правительствомъ мы не можемъ. Одно это заявленіе нанесло бы непоправимый ударъ реакціи, разстроило бы всѣ ея планы; такимъ заявленіемъ реакція дѣйствительно была бы изолирована въ ея собственныхъ глазахъ, въ глазахъ страны, въ глазахъ Европы. Вмѣсто этого, оппозиція строила схемы будущаго, говорила о лойяльной борьбѣ, о чудодѣйственной силѣ избирательной кампаніи и избирательныхъ бюллетеней. Правительство почувствовало, что, кромѣ революціи, у него нѣтъ активныхъ враговъ, а революцію оно, послѣ только что одержанной побѣды, считало уже безсильной. Правительство сразу выросло въ своихъ глазахъ и въ глазахъ реакціонной части общества. Крупный капиталъ и крупное землевладѣніе, потерявшіе уже было вѣру во всемогущество правительственныхъ штыковъ, снова обрѣли ее, и, опираясь на стараго союзника, открыли военныя дѣйствія противъ старыхъ враговъ. Правительство выиграло время и сумѣло, конечно, воспользоваться имъ: вѣдь въ его рукахъ всѣ средства пока. Оно издало длинный рядъ репрессивныхъ законовъ, позднѣйшими дополненіями почти уничтожило манифестъ 17 октября, перебило и перехватало десятки тысячъ неудобныхъ

ему людей, усилило полицейскіе штаты, произвело новую дислокацію войскъ, подкупило казачество грамотами и новымъ подтвержденіемъ ихъ вольностей и привилегій. Не одной, разумѣется, избирательной тактикой вызваны всѣ эти успѣхи правительства. Но она могущественно имъ содѣйствовала тѣмъ, что въ самый критическій, самый трагическій моментъ революціи пошла навстрѣчу правительству, признала возможнымъ мирное съ нимъ сотрудничество вмѣсто того, чтобы стать ему поперекъ дороги. И уже совершенно прямымъ результатомъ этой тактики является поднятіе престижа русскаго правительства у европейскихъ дворовъ и европейскихъ банкировъ. Выборы и успѣхи оппозиціи на нихъ породили въ Европѣ иллюзію, что въ Россіи благополучно, что спокойствіе въ будущемъ обезпечено, положеніе правительства укрѣпилось морально, и, что безконечно важнѣе, оно получило матеріальную поддержку—недостававшіе ему милліарды. Невозможно переоцѣнить значеніе этого факта, тяжесть этого удара для дѣла революціи. Во всѣхъ революціяхъ, начиная съ 1879 и кончая 1848 гг., финансовыя затрудненія правительства играли громадную роль. Наша оппозиція сумѣла повести дѣло такъ, что милліарды оказались въ рукахъ правительства еще до созыва представителей народа.

Процессъ выборовъ далъ правительству неизмѣримо больше, чѣмъ народу, — для безпристрастнаго человѣка теперь не можетъ быть въ этомъ сомнѣнія. Но народъ получилъ думу, которую правительство будетъ имѣть противъ себя. Мы подошли къ вопросу о значеніе не выборовъ, а самой думы, объ этомъ рѣчь впереди.

ему людей, усилило полицейскіе штаты, произвело новую дислокацію войскъ, подкупило казачество грамотами и новымъ подтвержденіемъ ихъ вольностей и привилегій. Не одной, разумѣется, избирательной тактикой вызваны всѣ эти успѣхи правительства. Но она могущественно имъ содѣйствовала тѣмъ, что въ самый критическій, самый трагическій моментъ революціи пошла навстрѣчу правительству, признала возможнымъ мирное съ нимъ сотрудничество вмѣсто того, чтобы стать ему поперекъ дороги. И уже совершенно прямымъ результатомъ этой тактики является поднятіе престижа русскаго правительства у европейскихъ дворовъ и европейскихъ банкировъ. Выборы и успѣхи оппозиціи на нихъ породили въ Европѣ иллюзію, что въ Россіи благополучно, что спокойствіе въ будущемъ обезпечено, положеніе правительства укрѣпилось морально, и, что безконечно важнѣе, оно получило матеріальную поддержку—недостававшіе ему милліарды. Невозможно переоцѣнить значеніе этого факта, тяжесть этого удара для дѣла революціи. Во всѣхъ революціяхъ, начиная съ 1879 и кончая 1848 гг., финансовыя затрудненія правительства играли громадную роль. Наша оппозиція сумѣла повести дѣло такъ, что милліарды оказались въ рукахъ правительства еще до созыва представителей народа.

Процессъ выборовъ далъ правительству неизмѣримо больше, чѣмъ народу, — для безпристрастнаго человѣка теперь не можетъ быть въ этомъ сомнѣнія. Но народъ получилъ думу, которую правительство будетъ имѣть противъ себя. Мы подошли къ вопросу о значеніе не выборовъ, а самой думы, объ этомъ рѣчь впереди.

II.

Первая дума *)

Со всѣхъ сторонъ совѣтуютъ думѣ, на всѣхъ перекресткахъ ее судятъ. Всѣ знаютъ, какъ дума *должна* спасать отечество, что она вправѣ дѣлать и чего не вправѣ. И мало кто спрашиваетъ: что *есть* дума, каковы дѣйствительные размѣры ея политической мощи? „Есть ли... хоть какое-нибудь основаніе полагать, что такая дума, созванная при настоящихъ условіяхъ, была бы вобще (политической) силой“ — спрашивалъ я пять мѣсяцевъ тому назадъ. Этотъ вопросъ стоитъ и теперь впереди всѣхъ вопросовъ, касающихся думы, ибо и совѣтующіе, и судящіе потому, раньше всего, совѣтуютъ разное и судятъ разно, что они неодинаково представляютъ себѣ фактическое соотношеніе политическихъ силъ въ странѣ.

Итакъ, что дума *можетъ*? Она ничего не можетъ. Прямая задача думы—это законодательство и контроль надъ управленіемъ страной. И тѣмъ, и другимъ дума занимается очень усердно, но изъ ея занятій ничего не выходитъ и не можетъ выйти. Ученый передовикъ газеты „Рѣчь“ совершенно напрасно старается внушить намъ, простодушнымъ людямъ, правильную идею о „думѣ, органѣ законодательства, облеченномъ огромной, но косвенной властью надъ администраціей“, — въ этомъ предпріятіи онъ успѣха имѣть не будетъ. Съ точки зрѣнія *будущаго* историка, можетъ быть, и вѣрно, что выраженіе недовѣрія министерству со стороны думы, ея запросы — всѣ эти „формы симуляціи борьбы“, какъ выражается „Рѣчь“, имѣютъ огромное значеніе. Но мы живемъ настоящимъ, а не будущимъ; мы дѣлаемъ лишь свою исторію, а не пишемъ ее еще; мы въ безконечныхъ стра-

*) Напечатано впервые 26 мая.

II.

Первая дума *)

Со всѣхъ сторонъ совѣтуютъ думѣ, на всѣхъ перекресткахъ ее судятъ. Всѣ знаютъ, какъ дума *должна* спасать отечество, что она вправѣ дѣлать и чего не вправѣ. И мало кто спрашиваетъ: что *есть* дума, каковы дѣйствительные размѣры ея политической мощи? „Есть ли... хоть какое-нибудь основаніе полагать, что такая дума, созванная при настоящихъ условіяхъ, была бы вобще (политической) силой“ — спрашивалъ я пять мѣсяцевъ тому назадъ. Этотъ вопросъ стоитъ и теперь впереди всѣхъ вопросовъ, касающихся думы, ибо и совѣтующіе, и судящіе потому, раньше всего, совѣтуютъ разное и судятъ разно, что они неодинаково представляютъ себѣ фактическое соотношеніе политическихъ силъ въ странѣ.

Итакъ, что дума *можетъ*? Она ничего не можетъ. Прямая задача думы—это законодательство и контроль надъ управленіемъ страной. И тѣмъ, и другимъ дума занимается очень усердно, но изъ ея занятій ничего не выходитъ и не можетъ выйти. Ученый передовикъ газеты „Рѣчь“ совершенно напрасно старается внушить намъ, простодушнымъ людямъ, правильную идею о „думѣ, органѣ законодательства, облеченномъ огромной, но косвенной властью надъ администраціей“, — въ этомъ предпріятіи онъ успѣха имѣть не будетъ. Съ точки зрѣнія *будущаго* историка, можетъ быть, и вѣрно, что выраженіе недовѣрія министерству со стороны думы, ея запросы — всѣ эти „формы симуляціи борьбы“, какъ выражается „Рѣчь“, имѣютъ огромное значеніе. Но мы живемъ настоящимъ, а не будущимъ; мы дѣлаемъ лишь свою исторію, а не пишемъ ее еще; мы въ безконечныхъ стра-

*) Напечатано впервые 26 мая.

даніяхъ и невыразимыхъ мукахъ созидаемъ ту жизнь, которую будущій историкъ будетъ спокойно созерцать; и для кого настоящее есть уже прошлое, для кого переживаемое—уже пережитое, съ тѣмъ мы не сговоримся, того мы не поймемъ, ибо онъ насъ не понимаетъ.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ одной изъ петербургскихъ газетъ я видѣлъ въ среднихъ числахъ апрѣля изображеніе тонущей Россіи въ видѣ распростертой на заливаемомъ водой плоту женщины; къ плоту энергично пробивается среди бушующихъ волнъ лодка съ надписью: „27 апрѣля"; надъ всѣмъ рисункомъ—надпись: „Спасеніе близко". Эта наивная художественная композиція вѣрно передаетъ тѣ надежды, которыя возлагались массой населенія на думу. Истерзанная страна ждала, что съ созывомъ думы настанетъ конецъ страданіямъ, будетъ облегчено немедленно гнетущее ее бремя. И въ этихъ надеждахъ на цѣлебную силу новаго государственнаго строя нѣтъ, говоря вообще, ничего фантастическаго; онѣ только не обоснованы въ данномъ случаѣ; наша дума не могла этихъ надеждъ оправдать. Если бы выборы въ думу производились народомъ, освободившимся—хотя бы временно—отъ оковъ старой власти, хотя бы временно одолѣвшимъ ее, тогда дума дѣйствительно могла бы явиться новымъ источникомъ силъ, безцѣннымъ орудіемъ въ борьбѣ; тогда ея цѣлебная сила дѣйствительно сказалась бы немедленно. Страна и тогда не сразу освободилась бы отъ старой администраціи звѣринаго вида; пустые житницы не сразу наполнились бы, босые и нагіе не сразу были бы одѣты и обуты. Отношенія тѣмъ не менѣе во всѣхъ областяхъ общественной жизни измѣнились бы. Все старое, гнетущее, связующее присмирѣло бы; все новое, творящее, созидающее, опираясь на организован-

даніяхъ и невыразимыхъ мукахъ созидаемъ ту жизнь, которую будущій историкъ будетъ спокойно созерцать; и для кого настоящее есть уже прошлое, для кого переживаемое—уже пережитое, съ тѣмъ мы не сговоримся, того мы не поймемъ, ибо онъ насъ не понимаетъ.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ одной изъ петербургскихъ газетъ я видѣлъ въ среднихъ числахъ апрѣля изображеніе тонущей Россіи въ видѣ распростертой на заливаемомъ водой плоту женщины; къ плоту энергично пробивается среди бушующихъ волнъ лодка съ надписью: „27 апрѣля"; надъ всѣмъ рисункомъ—надпись: „Спасеніе близко". Эта наивная художественная композиція вѣрно передаетъ тѣ надежды, которыя возлагались массой населенія на думу. Истерзанная страна ждала, что съ созывомъ думы настанетъ конецъ страданіямъ, будетъ облегчено немедленно гнетущее ее бремя. И въ этихъ надеждахъ на цѣлебную силу новаго государственнаго строя нѣтъ, говоря вообще, ничего фантастическаго; онѣ только не обоснованы въ данномъ случаѣ; наша дума не могла этихъ надеждъ оправдать. Если бы выборы въ думу производились народомъ, освободившимся—хотя бы временно—отъ оковъ старой власти, хотя бы временно одолѣвшимъ ее, тогда дума дѣйствительно могла бы явиться новымъ источникомъ силъ, безцѣннымъ орудіемъ въ борьбѣ; тогда ея цѣлебная сила дѣйствительно сказалась бы немедленно. Страна и тогда не сразу освободилась бы отъ старой администраціи звѣринаго вида; пустые житницы не сразу наполнились бы, босые и нагіе не сразу были бы одѣты и обуты. Отношенія тѣмъ не менѣе во всѣхъ областяхъ общественной жизни измѣнились бы. Все старое, гнетущее, связующее присмирѣло бы; все новое, творящее, созидающее, опираясь на организован-

ную силу, имъ же созданную,—на думу, выдвинулось бы на первый планъ. Въ администраціи и въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ центрѣ и въ уѣздахъ, въ селѣ и на фабрикѣ—всюду, по всей странѣ прошло бы дуновеніе новой жизни. И въ то время, когда дума работала бы надъ рѣшеніемъ коренныхъ вопросовъ нашего политическаго и хозяйственнаго бытія, неотложныя нужды, мѣстныя нужды легко, легче прежняго, удовлетворялись бы дѣятельностью оживившихъ силъ на мѣстахъ. Дума не такъ часто запрашивала бы министровъ, но управленіе, вслѣдствія возможнаго съ ея стороны контроля, дѣйствительно измѣнилось бы и измѣнялось бы все больше. Страна не исцѣлилась бы сразу, но почувствовала бы приливъ силъ, а въ этомъ—все.

Но думу созвалъ не побѣдившій народъ, ее созвала временно восторжествовавшая реакція; созвала, чтобы подъ залогъ фальшиваго народнаго представительства получить милліарды у европейскихъ банкировъ, созвала, надѣясь такимъ окольнымъ путемъ вернуться какъ можно ближе къ старому. Народъ избиралъ, осуществлялъ свою верховную волю, съ тяжелыми цѣпями на рукахъ и колодками на ногахъ; дума собиралась и собралась среди неслыханной вакханаліи озвѣрѣлыхъ усмирителей. Поэтому такъ мало измѣнилось въ жизни съ тѣхъ поръ, какъ въ Таврическомъ дворцѣ ежедневно собираются четыреста слишкомъ избранниковъ, воодушевленныхъ, быть можетъ, лучшими намѣреніями. Исполняя ревностно свою обязанность контролировать управленіе, дума готова утопить министровъ въ морѣ запросовъ. Но народъ—тѣ милліоны по спинамъ которыхъ передвигается тяжелая колесница исторіи, не чувствуетъ ни въ чемъ ревностныхъ заботъ думы. Управленіе страной нисколько не лучше теперь, чѣмъ оно было въ тѣ времена, когда во дворцѣ

ную силу, имъ же созданную,—на думу, выдвинулось бы на первый планъ. Въ администраціи и въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ центрѣ и въ уѣздахъ, въ селѣ и на фабрикѣ—всюду, по всей странѣ прошло бы дуновеніе новой жизни. И въ то время, когда дума работала бы надъ рѣшеніемъ коренныхъ вопросовъ нашего политическаго и хозяйственнаго бытія, неотложныя нужды, мѣстныя нужды легко, легче прежняго, удовлетворялись бы дѣятельностью оживших сил на мѣстахъ. Дума не такъ часто запрашивала бы министровъ, но управленіе, вслѣдствіе возможнаго съ ея стороны контроля, дѣйствительно измѣнилось бы и измѣнялось бы все больше. Страна не исцѣлилась бы сразу, но почувствовала бы приливъ силъ, а въ этомъ—все.

Но думу созвалъ не побѣдившій народъ, ее созвала временно восторжествовавшая реакція; созвала, чтобы подъ залогъ фальшиваго народнаго представительства получить милліарды у европейскихъ банкировъ, созвала, надѣясь такимъ окольнымъ путемъ вернуться какъ можно ближе къ старому. Народъ избиралъ, осуществлялъ свою верховную волю, съ тяжелыми цѣпями на рукахъ и колодками на ногахъ; дума собиралась и собралась среди неслыханной вакханаліи озвѣрѣлыхъ усмирителей. Поэтому такъ мало измѣнилось въ жизни съ тѣхъ поръ, какъ въ Таврическомъ дворцѣ ежедневно собираются четыреста слишкомъ избранниковъ, воодушевленныхъ, быть можетъ, лучшими намѣреніями. Исполняя ревностно свою обязанность контролировать управленіе, дума готова утопить министровъ въ морѣ запросовъ. Но народъ—тѣ милліоны по спинамъ которыхъ передвигается тяжелая колесница исторіи, не чувствуетъ ни въ чемъ ревностныхъ заботъ думы. Управленіе страной нисколько не лучше теперь, чѣмъ оно было въ тѣ времена, когда во дворцѣ

великолѣпнаго князя Тавриды не народные представители засѣдали, а плясали придворные куртизаны и куртизанки. Десятки тысячъ дѣйствительно лучшихъ людей томятся въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ; свободами распоряжаются по своему усмотрѣнію исправники и участковые приставá. Сотни уѣздовъ голодаютъ, а мы не можемъ безъ полицейскаго разрѣшенія накормить голоднаго ребенка, подать помощь больному старику. Агенты власти, отъ губернаторовъ и градоначальниковъ до урядниковъ и лѣсничихъ, творятъ безпрерывныя насилія въ городахъ и деревняхъ—хватаютъ, арестуютъ, высылаютъ, бьютъ, калѣчатъ. Не измѣнилось ничего въ управленіи, ничего не измѣнилось и въ отношеніяхъ общественныхъ группъ между собою. Опирающіеся на власть злобствуютъ торжествующе, попираемые властью озлоблены и угрюмы. И въ странѣ идетъ попрежнему междоусобная партизанская война: лѣсныя порубки, поджоги усадьбъ, безпрерывныя стачки, наѣзды стражниковъ, охота за крестьянами съ собаками-ищейками. Для всей текущей жизни думы фактически не существуетъ; все проходитъ мимо нея, все совершается независимо отъ нея.

Законодательная дѣятельность думы не можетъ быть болѣе плодотворной, чѣмъ ея дѣятельность по контролю, и есть что-то безпомощное въ той торопливости, съ которой дума бросается отъ запросовъ къ законопроектамъ и обратно—отъ законопроектовъ къ запросамъ. Дума запросила министерство по поводу тогда еще предстоящихъ казней въ Ригѣ. Казни, вѣрнѣе, убійства этимъ не были предотвращены, и дума поспѣшила выработать законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, одновременно подготовляя новые запросы, ибо о беззаконіяхъ и насиліяхъ вопіютъ камни, а министры, которыхъ дума такъ категорично, такъ настойчиво просила уйти, остаются неподвижны, какъ

великолѣпнаго князя Тавриды не народные представители засѣдали, а плясали придворные куртизаны и куртизанки. Десятки тысячъ дѣйствительно лучшихъ людей томятся въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ; свободами распоряжаются по своему усмотрѣнію исправники и участковые пристава. Сотни уѣздовъ голодаютъ, а мы не можемъ безъ полицейскаго разрѣшенія накормить голоднаго ребенка, подать помощь больному старику. Агенты власти, отъ губернаторовъ и градоначальниковъ до урядниковъ и лѣсничихъ, творятъ безпрерывныя насилія въ городахъ и деревняхъ—хватаютъ, арестуютъ, высылаютъ, бьютъ, калѣчатъ. Не измѣнилось ничего въ управленіи, ничего не измѣнилось и въ отношеніяхъ общественныхъ группъ между собою. Опирающіеся на власть злобствуютъ торжествующе, попираемые властью озлоблены и угрюмы. И въ странѣ идетъ попрежнему междоусобная партизанская война: лѣсныя порубки, поджоги усадьбъ, безпрерывныя стачки, наѣзды стражниковъ, охота за крестьянами съ собаками-ищейками. Для всей текущей жизни думы фактически не существуетъ; все проходитъ мимо нея, все совершается независимо отъ нея.

Законодательная дѣятельность думы не можетъ быть болѣе плодотворной, чѣмъ ея дѣятельность по контролю, и есть что-то безпомощное въ той торопливости, съ которой дума бросается отъ запросовъ къ законопроектамъ и обратно—отъ законопроектовъ къ запросамъ. Дума запросила министерство по поводу тогда еще предстоящихъ казней въ Ригѣ. Казни, вѣрнѣе, убійства этимъ не были предотвращены, и дума поспѣшила выработать законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, одновременно подготовляя новые запросы, ибо о беззаконіяхъ и насиліяхъ вопіютъ камни, а министры, которыхъ дума такъ категорично, такъ настойчиво просила уйти, остаются неподвижны, какъ

камии, на своихъ мѣстахъ. Допустимъ, что думѣ удастся провести законъ объ отмѣнѣ смертной казни черезъ всѣ преграды. Будетъ-ли, этимъ дѣйствительно, положенъ конецъ казнямъ? Можно очень и очень въ этомъ сомнѣваться. Если власть ежедневно и открыто попираетъ всѣ законы, если совершаются, и совершаются безнаказанно, массовыя убійства, вопреки всякимъ законамъ, если во время думской сессіи, предъ лицомъ народныхъ избранниковъ, возможно было казнить восемь человѣкъ, при приданіи суду которыхъ уже была нарушена всякая законность, то и новый законъ можетъ оказаться лишь слишкомъ слабой защитой. Кровавые призраки, которые съ перваго же дня носятся предъ глазами народныхъ избранниковъ, мѣшая имъ работать, — эти призраки не исчезнутъ съ изданіемъ новаго закона. Можно допустить, что думѣ удалось бы провести не одинъ, а много хорошихъ законовъ,— такихъ законовъ, которые во всякое другое время были бы признаны значительными и важными. Но она не можетъ сдѣлать ничего важнаго для насъ *теперь*, *при настоящихъ условіяхъ*; она не въ состояніи разрубить узлы, завязанные для насъ нашей исторіей, разрѣшить тѣ задачи, вокругъ которыхъ кипитъ великій бой нашего времени, и въ этомъ — трагизмъ ея положенія. Дума не въ состояніи рѣшить или хотя бы приблизить къ рѣшенію великій земельный вопросъ, она не можетъ придать силы закона декларацін правъ человѣка и гражданина, не можетъ установить формъ нашего политическаго бытія, не можетъ рѣшить сложный, запутанный національный вопросъ, вѣрнѣе — вопросы. Всѣхъ этихъ вопросовъ дума не можетъ рѣшить удовлетворительно, т. е. такъ, чтобы послѣ рѣшенія ихъ установилось въ странѣ нѣкоторое устойчивое равновѣсіе силъ;—ибо я здѣсь разсматриваю положеніе вещей не съ точки зрѣнія моихъ или

камни, на своихъ мѣстахъ. Допустимъ, что думѣ удастся провести законъ объ отмѣнѣ смертной казни черезъ всѣ преграды. Будетъ-ли, этимъ дѣйствительно, положенъ конецъ казнямъ? Можно очень и очень въ этомъ сомнѣваться. Если власть ежедневно и открыто попираетъ всѣ законы, если совершаются, и совершаются безнаказанно, массовыя убійства, вопреки всякимъ законамъ, если во время думской сессіи, предъ лицомъ народныхъ избранниковъ, возможно было казнить восемь человѣкъ, при преданіи суду которыхъ уже была нарушена всякая законность, то и новый законъ можетъ оказаться лишь слишкомъ слабой защитой. Кровавые призраки, которые съ перваго же дня носятся предъ глазами народныхъ избранниковъ, мѣшая имъ работать, — эти призраки не исчезнутъ съ изданіемъ новаго закона. Можно допустить, что думѣ удалось бы провести не одинъ, а много хорошихъ законовъ,— такихъ законовъ, которые во всякое другое время были бы признаны значительными и важными. Но она не можетъ сдѣлать ничего важнаго для насъ *теперь*, *при настоящихъ условіяхъ*; она не въ состояніи разрубить узлы, завязанные для насъ нашей исторіей, разрѣшить тѣ задачи, вокругъ которыхъ кипитъ великій бой нашего времени, и въ этомъ — трагизмъ ея положенія. Дума не въ состояніи рѣшить или хотя бы приблизить къ рѣшенію великій земельный вопросъ, она не можетъ придать силы закона деклараціи правъ человѣка и гражданина, не можетъ установить формъ нашего политическаго бытія, не можетъ рѣшить сложный, запутанный національный вопросъ, вѣрнѣе — вопросы. Всѣхъ этихъ вопросовъ дума не можетъ рѣшить удовлетворительно, т. е. такъ, чтобы послѣ рѣшенія ихъ установилось въ странѣ нѣкоторое устойчивое равновѣсіе силъ;—ибо я здѣсь разсматриваю положеніе вещей не съ точки зрѣнія моихъ или

чьихъ бы то ни было идеаловъ, а чисто динамически, т. е. съ точки зрѣнія соотношенія силъ въ странѣ. Дума и вообще не можетъ рѣшить этихъ жгучихъ вопросовъ нашей жизни, хотя бы и неудовлетворительно, т. е. она просто не можетъ провести соотвѣтствующихъ законовъ въ жизнь. Въ этихъ коренныхъ вопросахъ правительство добровольно уступить не можетъ; не для того властвующіе сѣяли смерть вокругъ себя, чтобы потомъ рѣшиться на самоубійство. А дума, если бы хотѣла уступить правительству, то отъ этого все равно ничего не измѣнилось бы, ибо она въ такомъ случаѣ потеряла бы всякій авторитетъ въ глазахъ народа. Народъ и власть стоятъ другъ противъ друга, готовясь помѣряться еще силами. Дума, представляя народъ, — болѣе или менѣе правильно, это другой вопросъ, — имѣетъ противъ себя организованную силу власти. Въ то же время дума, существующая благодаря власти, созвавшей ее въ моментъ своего торжества, не имѣетъ реальной, фактической опоры въ народѣ, который она представляетъ. Въ этомъ ея безсиліе.

Біологія признаетъ одинаково вѣрными положенія: функція создаетъ органъ, органъ поддерживаетъ функцію. Но органъ тѣмъ и есть органъ, что онъ находится въ функціональной связи со всѣмъ организмомъ. Вотъ этой-то связи съ народомъ у думы нѣтъ. „Дума объединитъ революцію, станетъ органомъ ея власти", вѣщалъ г. Струве. И когда дума собралась, когда еще до того стало ясно, что на думѣ сосредоточились вниманіе и надежды народа, то поверхностнымъ наблюдателямъ казалось, что это пророчество сбылось. Географическое средоточіе вниманія смѣшивали съ динамическимъ центромъ; точку, въ которую устремлены всѣ глаза, смѣшивали съ точкой, въ которой сходятся всѣ дѣйствующія силы. Это — самое

чьихъ бы то ни было идеаловъ, а чисто динамически, т. е. съ точки зрѣнія соотношенія силъ въ странѣ. Дума и вообще не можетъ рѣшить этихъ жгучихъ вопросовъ нашей жизни, хотя бы и неудовлетворительно, т. е. она просто не можетъ провести соотвѣтствующихъ законовъ въ жизнь. Въ этихъ коренныхъ вопросахъ правительство добровольно уступить не можетъ; не для того властвующіе сѣяли смерть вокругъ себя, чтобы потомъ рѣшиться на самоубійство. А дума, если бы хотѣла уступить правительству, то отъ этого все равно ничего не измѣнилось бы, ибо она въ такомъ случаѣ потеряла бы всякій авторитетъ въ глазахъ народа. Народъ и власть стоятъ другъ противъ друга, готовясь помѣряться еще силами. Дума, представляя народъ, — болѣе или менѣе правильно, это другой вопросъ, — имѣетъ противъ себя организованную силу власти. Въ то же время дума, существующая благодаря власти, созвавшей ее въ моментъ своего торжества, не имѣетъ реальной, фактической опоры въ народѣ, который она представляетъ. Въ этомъ ея безсиліе.

Біологія признаетъ одинаково вѣрными положенія: функція создаетъ органъ, органъ поддерживаетъ функцію. Но органъ тѣмъ и есть органъ, что онъ находится въ функціональной связи со всѣмъ организмомъ. Вотъ этой-то связи съ народомъ у думы нѣтъ. „Дума объединитъ революцію, станетъ органомъ ея власти", вѣщалъ г. Струве. И когда дума собралась, когда еще до того стало ясно, что на думѣ сосредоточились вниманіе и надежды народа, то поверхностнымъ наблюдателямъ казалось, что это пророчество сбылось. Географическое средоточіе вниманія смѣшивали съ динамическимъ центромъ; точку, въ которую устремлены всѣ глаза, смѣшивали съ точкой, въ которой сходятся всѣ дѣйствующія силы. Это — самое

грубое смѣшеніе понятій, какое только можно себѣ представить. Вниманіе всего партера сосредоточено на сценѣ, гдѣ разыгривается комедія или трагедія, но *силъ* партера эта сцена не объединяетъ, и люди, сидящіе въ партерѣ, не выигрываютъ, а теряютъ въ силѣ отъ того, что устремили все свое вниманіе въ одну точку: они въ эту минуту безпомощнѣе, чѣмъ когда-либо. Средоточіе надеждъ тоже не есть центръ объединенія силъ. Въ теченіе многихъ десятилѣтій надежды большинства русскаго народа сосредоточены были на самомъ тѣсномъ пространствѣ; силы народа отъ этого не возросли. Когда рѣчь идетъ о такомъ сложномъ комплексѣ, какъ силы обширной страны, когда силы эти разъединены всеохватывающей и всепроникающей организаціей, спеціально для этого созданной, то наивно думать, что нарочито поставленная точка, хотя бы и самая блестящая, получитъ волшебную силу объединять разрозненное. Дума не становится еще центральнымъ *органомъ*, средоточіемъ дѣйствія, сердцемъ страны, отъ того, что по внѣшности она похожа на такой органъ. Принимать форму за содержаніе, знаки вещей за сами вещи—это слабость тѣхъ изъ нашихъ публицистовъ, которые сами себѣ выдали патенты на благоразуміе. „Меньшивики", напр., собирались изъ уполномоченныхъ отъ рабочей куріи создать рабочій парламентъ, „настоящее представительство россійскаго крупно-промышленнаго пролетаріата", причемъ этотъ парламентъ долженъ былъ, по ихъ проекту, имѣть въ революціонной борьбѣ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, такъ какъ выборы уполномоченныхъ производились бы „во имя самыхъ широкихъ политическихъ цѣлей". Прожектеры, очевидно, совершенно не понимаютъ, въ чемъ сила такихъ организацій, какъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ былъ созданъ жизнен-

грубое смѣшеніе понятій, какое только можно себѣ представить. Вниманіе всего партера сосредоточено на сценѣ, гдѣ разыгривается комедія или трагедія, но *силъ* партера эта сцена не объединяетъ, и люди, сидящіе въ партерѣ, не выигрываютъ, а теряютъ въ силѣ отъ того, что устремили все свое вниманіе въ одну точку: они въ эту минуту безпомощнѣе, чѣмъ когда-либо. Средоточіе надеждъ тоже не есть центръ объединенія силъ. Въ теченіе многихъ десятилѣтій надежды большинства русскаго народа сосредоточены были на самомъ тѣсномъ пространствѣ; силы народа отъ этого не возросли. Когда рѣчь идетъ о такомъ сложномъ комплексѣ, какъ силы обширной страны, когда силы эти разъединены всеохватывающей и всепроникающей организаціей, спеціально для этого созданной, то наивно думать, что нарочито поставленная точка, хотя бы и самая блестящая, получитъ волшебную силу объединять разрозненное. Дума не становится еще центральнымъ *органомъ*, средоточіемъ дѣйствія, сердцемъ страны, отъ того, что по внѣшности она похожа на такой органъ. Принимать форму за содержаніе, знаки вещей за сами вещи—это слабость тѣхъ изъ нашихъ публицистовъ, которые сами себѣ выдали патенты на благоразуміе. „Меньшивики", напр., собирались изъ уполномоченныхъ отъ рабочей куріи создать рабочій парламентъ, „настоящее представительство россійскаго крупно-промышленнаго пролетаріата", причемъ этотъ парламентъ долженъ былъ, по ихъ проекту, имѣть въ революціонной борьбѣ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, такъ какъ выборы уполномоченныхъ производились бы „во имя самыхъ широкихъ политическихъ цѣлей". Прожектеры, очевидно, совершенно не понимаютъ, въ чемъ сила такихъ организацій, какъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ былъ созданъ жизнен-

ной потребностью момента; его руководству подчинялись не потому, что онъ формально представлялъ рабочую массу, а потому, что онъ представлялъ ее въ данный моментъ фактически. Напряженному и единодушному настроенію нуженъ былъ органъ выраженія и концентраціи; этой *опредѣленной* потребностью былъ созданъ совѣтъ, потому онъ и удовлетворялъ ей. „Рабочій парламентъ", наоборотъ, потому не имѣлъ бы никакого значенія въ моментъ революціоннаго подъема, что онъ, выбранный при другихъ совершенно условіяхъ, при господствѣ другихъ настроеній и во имя самыхъ широкихъ цѣлей, представлялъ бы массу только формально, лишь внѣшнимъ образомъ. Меньшевикообразные публицисты изъ „Нашей Жизни" обобщили меньшевистскую фантазію. Они рѣшили, что рядъ промежуточныхъ ступеней между представителями и представленными—губернскія избирательныя собранія, уѣздные выборщики, волостные уполномоченные и т. д.—могутъ быть использованы въ качествѣ новыхъ центровъ мѣстной жизни и новыхъ опорныхъ пунктовъ въ дальнѣйшей борьбѣ за дѣло народной свободы, какъ для давленія на государственную думу, такъ и для поддержки всѣхъ мужественныхъ ея шаговъ. „Само правительство, — заявляетъ торжествующе авторъ,—придумало эту сложнѣйшую многостепенную систему законодательныхъ выборовъ, пусть же оно несетъ на себѣ плоды своихъ хитросплетеній" *) Все бы хорошо; бѣда только въ томъ, что правительство не только придумало эту систему, но также осуществило ее своими силами, и своими же силами ее разрушило по миновніи въ ней надобности; выборщики съ соизволенія урядника съѣхались и, разъѣхав-

*) „Наша Жизнь", № 417, „Первые шаги".

ной потребностью момента; его руководству подчинялись не потому, что онъ формально представлялъ рабочую массу, а потому, что онъ представлялъ ее въ данный моментъ фактически. Напряженному и единодушному настроенію нуженъ былъ органъ выраженія и концентраціи; этой *опредѣленной* потребностью былъ созданъ совѣтъ, потому онъ и удовлетворялъ ей. „Рабочій парламентъ", наоборотъ, потому не имѣлъ бы никакого значенія въ моментъ революціоннаго подъема, что онъ, выбранный при другихъ совершенно условіяхъ, при господствѣ другихъ настроеній и во имя самыхъ широкихъ цѣлей, представлялъ бы массу только формально, лишь внѣшнимъ образомъ. Меньшевикообразные публицисты изъ „Нашей Жизни" обобщили меньшевистскую фантазію. Они рѣшили, что рядъ промежуточныхъ ступеней между представителями и представленными—губернскія избирательныя собранія, уѣздные выборщики, волостные уполномоченные и т. д. — могутъ быть использованы въ качествѣ новыхъ центровъ мѣстной жизни и новыхъ опорныхъ пунктовъ въ дальнѣйшей борьбѣ за дѣло народной свободы, какъ для давленія на государственную думу, такъ и для поддержки всѣхъ мужественныхъ ея шаговъ. „Само правительство, — заявляетъ торжествующе авторъ,—придумало эту сложнѣйшую многостепенную систему законодательныхъ выборовъ, пусть же оно несетъ на себѣ плоды своихъ хитросплетеній" *) Все бы хорошо; бѣда только въ томъ, что правительство не только придумало эту систему, но также осуществило ее своими силами, и своими же силами ее разрушило по минованіи въ ней надобности; выборщики съ соизволенія урядника съѣхались и, разъѣхав-

---

*) „Наша Жизнь", № 417, „Первые шаги".

шись, могутъ снова собраться только съ его же соизволенія.

Дума объединяла бы силы страны, если бы она сама была создана ими въ процессѣ объединенія. Если бы народъ ко времени выборовъ дѣйствительно пользовался элементарными свободами, то онъ бы не только избиралъ думу,—по всей странѣ кипѣла бы жизнь, повсюду на мѣстахъ шелъ бы могучій процессъ организаціи и концентраціи силъ; выдвинулись бы лица, выработались бы формы, и, главное, было бы сознаніе своей силы, чувство независимости, готовность къ дѣйствію. Жизнь на мѣстахъ служила бы опорой для думы уже самымъ фактомъ своего существованія; дума концентрировала бы разлитую по странѣ жизнь, даже не задаваясь этой цѣлью. Но мы имѣемъ не столько октроированную конституцію, сколько октроированную думу. Думу выбиралъ народъ; но въ самихъ выборахъ не было *воли* народа, его мощи; ему только *позволено* было высказать свое *желаніе*. Думѣ не на что опереться, нечего объединять, ибо *на поверхности* политической жизни въ странѣ нѣтъ ничего, кромѣ генералъ-губернаторовъ и стражниковъ. Жизнь, конечно, не замерла. Именно теперь происходитъ громадная работа молекулярныхъ силъ въ народѣ. Но *этихъ* силъ дума не можетъ объединить, на нихъ она не можетъ опереться. Эти силы проявятся наружу, быть можетъ, завтра, черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ. Но это не можетъ быть сдѣлано по спеціальному заказу ради поддержки думѣ, ибо страна живетъ для себя, а не для думы; живетъ подъ огромнымъ давленіемъ своихъ повседневныхъ нуждъ, подъ тяжелымъ гнетомъ стараго строя. Въ этой повседневной и тяжелой борьбѣ своей страна ждетъ помощи отъ думы и не получаетъ ея; дума въ своемъ нелѣпомъ положеніи ждетъ помощи отъ страны. Если этотъ заколдованный

шись, могутъ снова собраться только съ его же соизволенія.

Дума объединяла бы силы страны, если бы она сама была создана ими въ процессѣ объединенія. Если бы народъ ко времени выборовъ дѣйствительно пользовался элементарными свободами, то онъ бы не только избиралъ думу,—по всей странѣ кипѣла бы жизнь, повсюду на мѣстахъ шелъ бы могучій процессъ организаціи и концентраціи силъ; выдвинулись бы лица, выработались бы формы, и, главное, было бы сознаніе своей силы, чувство независимости, готовность къ дѣйствію. Жизнь на мѣстахъ служила бы опорой для думы уже самымъ фактомъ своего существованія; дума концентрировала бы разлитую по странѣ жизнь, даже не задаваясь этой цѣлью. Но мы имѣемъ не столько октроированную конституцію, сколько октроированную думу. Думу выбиралъ народъ; но въ самихъ выборахъ не было *воли* народа, его мощи; ему только *позволено* было высказать свое *желаніе*. Думѣ не на что опереться, нечего объединять, ибо *на поверхности* политической жизни въ странѣ нѣтъ ничего, кромѣ генералъ-губернаторовъ и стражниковъ. Жизнь, конечно, не замерла. Именно теперь происходитъ громадная работа молекулярныхъ силъ въ народѣ. Но *этихъ* силъ дума не можетъ объединить, на нихъ она не можетъ опереться. Эти силы проявятся наружу, быть можетъ, завтра, черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ. Но это не можетъ быть сдѣлано по спеціальному заказу ради поддержки думѣ, ибо страна живетъ для себя, а не для думы; живетъ подъ огромнымъ давленіемъ своихъ повседневныхъ нуждъ, подъ тяжелымъ гнетомъ стараго строя. Въ этой повседневной и тяжелой борьбѣ своей страна ждетъ помощи отъ думы и не получаетъ ея; дума въ своемъ нелѣпомъ положеніи ждетъ помощи отъ страны. Если этотъ заколдованный

кругъ будетъ прерванъ, то—взрывомъ народной энергіи. Тогда закипитъ новая жизнь, но центромъ этой жизни не будетъ настоящая дума. Генеральные штаты 1789 г. превратились, благодаря поднявшемуся народу, въ учредительное собраніе со всей полнотой власти; о чемъ то подобномъ мечтаетъ кое-кто и для нашей думы. Но политическія ситуаціи во Франціи 1789 г. и у насъ теперь — существенно различны. Во Франціи достаточно было возстанія 14 іюля, чтобы организація королевской власти распалась; у насъ организація власти гораздо прочнѣе, и расшатать ее можетъ только длительный процессъ. Во Франціи штаты были созваны предъ революціей, и когда въ іюлѣ народъ поднялся, не было въ немъ еще глубокаго партійнаго расчлененія, не было и никакихъ центровъ, кромѣ штатовъ; у насъ дифференціація пошла уже довольно далеко, и различныхъ центровъ въ странѣ много. Тамъ можно было однимъ ударомъ выбить шпагу изъ рукъ короля, и она естественно перешла въ руки единственнаго учрежденія, представлявшаго къ тому времени весь народъ; у насъ власть не можетъ быть мгновенно обезсилена, и въ процессѣ борьбы необходимо получатъ первенствующее значеніе отдѣльные, приспособленные для этой борьбы, по условіямъ мѣста и времени, центры. Дума, если бы она не была уничтожена въ самомъ началѣ борьбы властью, была бы сметена народомъ. Хорошо это или дурно, но революція, при новомъ подъемѣ, не признаетъ думы Булыгина, Витте и Дурново—своей; это психологически неизбѣжно. Думѣ не на кого опереться, дума не объединяетъ силъ страны теперь, не можетъ объединять ихъ и въ будущемъ. Дума и страна—двѣ дружественныхъ державы, но каждая изъ нихъ живетъ своей особой жизнью, идетъ по особому, предопредѣленному рокомъ пути. И когда я слушаю умныхъ людей, со-

кругъ будетъ прерванъ, то—взрывомъ народной энергіи. Тогда закипитъ новая жизнь, но центромъ этой жизни не будетъ настоящая дума. Генеральные штаты 1789 г. превратились, благодаря поднявшемуся народу, въ учредительное собраніе со всей полнотой власти; о чемъ то подобномъ мечтаетъ кое-кто и для нашей думы. Но политическія ситуаціи во Франціи 1789 г. и у насъ теперь — существенно различны. Во Франціи достаточно было возстанія 14 іюля, чтобы организація королевской власти распалась; у насъ организація власти гораздо прочнѣе, и расшатать ее можетъ только длительный процессъ. Во Франціи штаты были созваны предъ революціей, и когда въ іюлѣ народъ поднялся, не было въ немъ еще глубокаго партійнаго расчлененія, не было и никакихъ центровъ, кромѣ штатовъ; у насъ дифференціація пошла уже довольно далеко, и различныхъ центровъ въ странѣ много. Тамъ можно было однимъ ударомъ выбить шпагу изъ рукъ короля, и она естественно перешла въ руки единственнаго учрежденія, представлявшаго къ тому времени весь народъ; у насъ власть не можетъ быть мгновенно обезсилена, и въ процессѣ борьбы необходимо получатъ первенствующее значеніе отдѣльные, приспособленные для этой борьбы, по условіямъ мѣста и времени, центры. Дума, если бы она не была уничтожена въ самомъ началѣ борьбы властью, была бы сметена народомъ. Хорошо это или дурно, но революція, при новомъ подъемѣ, не признаетъ думы Булыгина, Витте и Дурново—своей; это психологически неизбѣжно. Думѣ не на кого опереться, дума не объединяетъ силъ страны теперь, не можетъ объединять ихъ и въ будущемъ. Дума и страна—двѣ дружественныхъ державы, но каждая изъ нихъ живетъ своей особой жизнью, идетъ по особому, предопредѣленному рокомъ пути. И когда я слушаю умныхъ людей, со-

вѣтующихъ установить „постоянное взаимодѣйствіе непрекращающагося тока между думой и народомъ", то мнѣ невольно думается, что эти люди не столько умны, сколько мечтательны. Взаимодѣйствіе, господа, это—очень много; взаимодѣйствіе было бы тогда, если бы вслѣдствіе запроса думы не осмѣлились бы совершить въ Ригѣ восьми убійствъ, если бы министерство, прислушиваясь къ шуму приближающейся грозы, не осмѣлилось бы прочесть въ думѣ своей деклараціи. „Митинги, собранія, печать, резолюціи и петиціи"—это, конечно, менѣе претенціозно, и страна, независимо отъ необходимой думѣ поддержки, пользуется этими средствами политической жизни, насколько это фактически возможно, т. е. въ размѣрахъ, угодныхъ г. Фонъ-деръ-Лауницу, не всегда разрѣшающему собранія даже членамъ государственной думы. Но какъ же использовать эти средства, чтобы поддержать думу? Выражать ей довѣріе, клясться въ вѣрности до гроба, обѣщать стоять за нее грудью? Но все это по заказу не дѣлается. Характеръ общественныхъ манифестацій по отношенію къ думѣ опредѣляется характеромъ фактическихъ, реальныхъ связей между думой и страной, вѣрнѣе, тѣмъ, какъ эти связи воспринимаются въ данный моментъ населеніемъ.

Этимъ мы подошли къ другой сторонѣ вопроса— къ агитаціонному значенію думы. Послѣднимъ аргументомъ противъ бойкота обыкновенно выставлялось то, что дума во всякомъ случаѣ сослужитъ большую службу въ смыслѣ агитаціи. Г. Плехановъ значеніе думы видѣлъ даже не въ агитаціи вообще, а лишь въ просвѣтительномъ дѣйствіи ея. „Народъ имѣетъ извѣстный политическій предразсудокъ,—скажемъ, тотъ предразсудокъ, что дума, избранная на основаніи закона 11 декабря и при благодѣтельномъ воздѣйствіи военнаго положенія на выборщиковъ, можетъ улуч-

вѣтующихъ установить „постоянное взаимодѣйствіе непрекращающагося тока между думой и народомъ“, то мнѣ невольно думается, что эти люди не столько умны, сколько мечтательны. Взаимодѣйствіе, господа, это—очень много; взаимодѣйствіе было бы тогда, если бы вслѣдствіе запроса думы не осмѣлились бы совершить въ Ригѣ восьми убійствъ, если бы министерство, прислушиваясь къ шуму приближающейся грозы, не осмѣлилось бы прочесть въ думѣ своей деклараціи. „Митинги, собранія, печать, резолюціи и петиціи“—это, конечно, менѣе претенціозно, и страна, независимо отъ необходимой думѣ поддержки, пользуется этими средствами политической жизни, насколько это фактически возможно, т. е. въ размѣрахъ, угодныхъ г. Фонъ-деръ-Лауницу, не всегда разрѣшающему собранія даже членамъ государственной думы. Но какъ же использовать эти средства, чтобы поддержать думу? Выражать ей довѣріе, клясться въ вѣрности до гроба, обѣщать стоять за нее грудью? Но все это по заказу не дѣлается. Характеръ общественныхъ манифестацій по отношенію къ думѣ опредѣляется характеромъ фактическихъ, реальныхъ связей между думой и страной, вѣрнѣе, тѣмъ, какъ эти связи воспринимаются въ данный моментъ населеніемъ.

Этимъ мы подошли къ другой сторонѣ вопроса—къ агитаціонному значенію думы. Послѣднимъ аргументомъ противъ бойкота обыкновенно выставлялось то, что дума во всякомъ случаѣ сослужитъ большую службу въ смыслѣ агитаціи. Г. Плехановъ значеніе думы видѣлъ даже не въ агитаціи вообще, а лишь въ просвѣтительномъ дѣйствіи ея. „Народъ имѣетъ извѣстный политическій предразсудокъ,—скажемъ, тотъ предразсудокъ, что дума, избранная на основаніи закона 11 декабря и при благодѣтельномъ воздѣйствіи военнаго положенія на выборщиковъ, можетъ улуч-

шить его положеніе. Какъ разрушить этотъ предразсудокъ? Посредствомъ предметнаго урока, путемъ нагляднаго обученія. „Ты думаешь, что это такъ? Испробуй предметъ твоей вѣры на дѣлѣ, ты увидишь, что ты ошибался“. Какъ убѣдить тянущагося къ огню ребенка въ томъ, что огонь жжется? Дайте ему прикоснуться къ огню, и онъ пойметъ васъ въ одно мгновеніе. Вотъ то же и въ политикѣ, то же и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о разрушеніи политическихъ предразсудковъ народа“ *). Значеніе этой просвѣтительной теоріи, какъ аргумента, ничтожно. Раньше всего, ни одинъ человѣкъ не дастъ своему ребенку обжечь себѣ пальцевъ, чтобы открыть ему истину, что огонь жжется; это только въ книжкахъ такъ пишется. А главное — народъ не ребенокъ; бюрократія, подъ руководствомъ которой опытъ продѣлывается, не любящій отецъ, а злая мачеха, и все дѣло неизмѣримо сложнѣе. Но разъ дума собрана, то обо всемъ этомъ можно и не спорить, такъ какъ въ общемъ вѣрно то, что дума имѣетъ агитаціонное значеніе. Но какой же практическій выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этой истины? Никакого. „Хорошо все то, что содѣйствуетъ политическому воспитанію народа“. Прекрасно. Но какъ же дума лучше всего выполнитъ свое педагогическое назначеніе? Должна ли она просвѣщать народъ своей праведной жизнью, или лучше ей поразить умы своей мученической смертью? Должна ли она добиваться немедленнаго воздѣйствія на администрацію, хотя бы и съ рискомъ на конфликтъ, чтобы такимъ путемъ показать народу свою и, слѣдовательно, его мощь, или же она должна вырабатывать законопроэкты, чтобы, если они будутъ отвергнуты, народъ увидѣлъ, что ему отъ этого правительства и отъ этой конституціи ждать боль-

*) „Дневникъ соціалъ-демократа“, № 5, стр. 87.

шить его положеніе. Какъ разрушить этотъ предразсудокъ? Посредствомъ предметнаго урока, путемъ нагляднаго обученія. „Ты думаешь, что это такъ? Испробуй предметъ твоей вѣры на дѣлѣ, ты увидишь, что ты ошибался“. Какъ убѣдить тянущагося къ огню ребенка въ томъ, что огонь жжется? Дайте ему прикоснуться къ огню, и онъ пойметъ васъ въ одно мгновеніе. Вотъ то же и въ политикѣ, то же и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о разрушеніи политическихъ предразсудковъ народа“ *). Значеніе этой просвѣтительной теоріи, какъ аргумента, ничтожно. Раньше всего, ни одинъ человѣкъ не дастъ своему ребенку обжечь себѣ пальцевъ, чтобы открыть ему истину, что огонь жжется; это только въ книжкахъ такъ пишется. А главное — народъ не ребенокъ; бюрократія, подъ руководствомъ которой опытъ продѣлывается, не любящій отецъ, а злая мачеха, и все дѣло неизмѣримо сложнѣе. Но разъ дума собрана, то обо всемъ этомъ можно и не спорить, такъ какъ въ общемъ вѣрно то, что дума имѣетъ агитаціонное значеніе. Но какой же практическій выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этой истины? Никакого. „Хорошо все то, что содѣйствуетъ политическому воспитанію народа“. Прекрасно. Но какъ же дума лучше всего выполнитъ свое педагогическое назначеніе? Должна ли она просвѣщать народъ своей праведной жизнью, или лучше ей поразить умы своей мученической смертью? Должна ли она добиваться немедленнаго воздѣйствія на администрацію, хотя бы и съ рискомъ на конфликтъ, чтобы такимъ путемъ показать народу свою и, слѣдовательно, его мощь, или же она должна вырабатывать законопроэкты, чтобы, если они будутъ отвергнуты, народъ увидѣлъ, что ему отъ этого правительства и отъ этой конституціи ждать боль-

*) „Дневникъ соціалъ-демократа“, № 5, стр. 87.

ше нечего. Г. Плехановъ авторитетно заявляетъ, что „путь, представляющійся наиболѣе длиннымъ, окажется на дѣлѣ самымъ короткимъ“; дума, слѣдовательно, должна всячески избѣгать опасныхъ конфликтовъ. Это мнѣніе имѣетъ свои основанія; но можно положительно утверждать, что всякое другое изъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній столь же основательно; для каждаго изъ нихъ можно привести, сколько угодно, и pro и contro; мы находимся въ царствѣ чистой фантазіи, въ области догадокъ. И въ этомъ фактѣ вскрывается слабая сторона думы какъ средства агитаціи. Если мы, работая надъ предпринятымъ дѣломъ, вѣримъ въ него, вѣримъ, что оно дастъ тѣ плоды, ради которыхъ мы работаемъ, то, если наши ожиданія потомъ и не сбудутся, работа наша, какъ все реальное, можетъ имѣть значительные косвенные результаты, можетъ что-нибудь раскрыть, кого-нибудь научить. Но если уже во время самой работы—и сами дѣятели, многіе изъ нихъ, и мы, ближайшіе наблюдатели и истолкователи ихъ дѣятельности, или вовсе не вѣримъ въ прямую плодотворность ея, или допускаемъ, что безплодность „возможна и даже вѣроятна“ и уже заранѣе утѣшаемся тѣмъ, что все же агитацію произведемъ, то мы этимъ самимъ уже теряемъ то руководство, которое дается самой природой дѣла, оказываемся безпочвенно свободными въ нашихъ предположеніяхъ и гаданіяхъ; дѣло наполовину превращается въ игру и настолько же теряетъ даже въ своемъ косвенномъ вліяніи.

Что же мы при такомъ положеніи вещей должны говорить на митингахъ, какія резолюціи мы должны выносить по отношенію къ думѣ? Мы должны говорить, что думаемъ. Не можемъ же мы выдумывать для черни бога, въ котораго не вѣруемъ. Мы должны говорить, что настоящая дума, при лучшемъ желаніи, не смогла

ше нечего. Г. Плехановъ авторитетно заявляетъ, что „путь, представляющійся наиболѣе длиннымъ, окажется на дѣлѣ самымъ короткимъ“; дума, слѣдовательно, должна всячески избѣгать опасныхъ конфликтовъ. Это мнѣніе имѣетъ свои основанія; но можно положительно утверждать, что всякое другое изъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній столь же основательно; для каждаго изъ нихъ можно привести, сколько угодно, и pro и contro; мы находимся въ царствѣ чистой фантазіи, въ области догадокъ. И въ этомъ фактѣ вскрывается слабая сторона думы какъ средства агитаціи. Если мы, работая надъ предпринятымъ дѣломъ, вѣримъ въ него, вѣримъ, что оно дастъ тѣ плоды, ради которыхъ мы работаемъ, то, если наши ожиданія потомъ и не сбудутся, работа наша, какъ все реальное, можетъ имѣть значительные косвенные результаты, можетъ что-нибудь раскрыть, кого-нибудь научить. Но если уже во время самой работы—и сами дѣятели, многіе изъ нихъ, и мы, ближайшіе наблюдатели и истолкователи ихъ дѣятельности, или вовсе не вѣримъ въ прямую плодотворность ея, или допускаемъ, что безплодность „возможна и даже вѣроятна“ и уже заранѣе утѣшаемся тѣмъ, что все же агитацію произведемъ, то мы этимъ самимъ уже теряемъ то руководство, которое дается самой природой дѣла, оказываемся безпочвенно свободными въ нашихъ предположеніяхъ и гаданіяхъ; дѣло наполовину превращается въ игру и настолько же теряетъ даже въ своемъ косвенномъ вліяніи.

Что же мы при такомъ положеніи вещей должны говорить на митингахъ, какія резолюціи мы должны выносить по отношенію къ думѣ? Мы должны говорить, что думаемъ. Не можемъ же мы выдумывать для черни бога, въ котораго не вѣруемъ. Мы должны говорить, что настоящая дума, при лучшемъ желаніи, не смогла

бы ничего сдѣлать для обновленія нашей жизни, ибо она безвластна, ибо сила все еще въ рукахъ тѣхъ, которые и самую думу хотѣли бы превратить въ орудіе угнетенія. Это, въ сущности, и говорится на митингахъ „крайними", и если тамъ же раздаются громкія слова объ измѣнѣ и предательствѣ, когда этого еще нѣтъ, то это ничего страшнаго не представляетъ собой. Эти громкія фразы только уравновѣшиваютъ столь же громкія и столь же неосновательныя рѣчи, которыя произносятся ad maiorem gloriam думы. Но главное, что мы должны дѣлать, — это возможно интенсивнѣе использовать тѣ крупицы свободы, которыя намъ все же иногда удается теперь, благодаря думѣ, вырвать изъ рукъ полицейскихъ —по крайней мѣрѣ въ столицахъ и въ большихъ городахъ. Этимъ мы окажемъ максимумъ возможной поддержки думѣ, ибо это больше всего ослабляетъ дѣйствительнаго и самаго опаснаго врага ея.

III.

Разгонъ первой думы. *)

Во всѣхъ разговорахъ о думѣ, во всѣхъ перспективахъ насчетъ ея будущаго одинъ моментъ выдѣляется особо, это—тотъ случай, когда дума умретъ насильственной смертью. Ставится обыкновенно слѣдующая альтернатива: если верхи не будутъ тупо и упорно препятствовать думѣ въ ея работахъ, то она будетъ устроять жизнь и выведетъ Россію на новый путь; если же всѣ работы думы останутся безплодными, а „они" посмѣютъ разогнать ее или просто распустить раньше, чѣмъ она добьется существенныхъ результатовъ, тогда... Дальнѣйшее рисуется разно: тогда на-

*) Печатано впервые 2 іюня.

бы ничего сдѣлать для обновленія нашей жизни, ибо она безвластна, ибо сила все еще въ рукахъ тѣхъ, которые и самую думу хотѣли бы превратить въ орудіе угнетенія. Это, въ сущности, и говорится на митингахъ „крайними", и если тамъ же раздаются громкія слова объ измѣнѣ и предательствѣ, когда этого еще нѣтъ, то это ничего страшнаго не представляетъ собой. Эти громкія фразы только уравновѣшиваютъ столь же громкія и столь же неосновательныя рѣчи, которыя произносятся ad maiorem gloriam думы. Но главное, что мы должны дѣлать, — это возможно интенсивнѣе использовать тѣ крупицы свободы, которыя намъ все же иногда удается теперь, благодаря думѣ, вырвать изъ рукъ полицейскихъ —по крайней мѣрѣ въ столицахъ и въ большихъ городахъ. Этимъ мы окажемъ максимумъ возможной поддержки думѣ, ибо это больше всего ослабляетъ дѣйствительнаго и самаго опаснаго врага ея.

III.

Разгонъ первой думы. *)

Во всѣхъ разговорахъ о думѣ, во всѣхъ перспективахъ насчетъ ея будущаго одинъ моментъ выдѣляется особо, это—тотъ случай, когда дума умретъ насильственной смертью. Ставится обыкновенно слѣдующая альтернатива: если верхи не будутъ тупо и упорно препятствовать думѣ въ ея работахъ, то она будетъ устроять жизнь и выведетъ Россію на новый путь; если же всѣ работы думы останутся безплодными, а „они" посмѣютъ разогнать ее или просто распустить раньше, чѣмъ она добьется существенныхъ результатовъ, тогда... Дальнѣйшее рисуется разно: тогда на-

*) Печатано впервые 2 іюня.

родъ поднимется, какъ одинъ человѣкъ; тогда и слѣпые прозрѣютъ, и правительство окажется совершенно висящимъ въ воздухѣ, и т. д. Всѣ версіи сходятся въ томъ, что за „разгономъ" раскроется пропасть, которая поглотитъ ненавистное правительство.

Дума—несомнѣнно центръ агитаціи; „разгонъ" ея, т. е. прекращеніе по требованію правительства настоящей сессіи раньше, чѣмъ народъ увидитъ плоды ея трудовъ, несомнѣнно, поразилъ бы умы. Тѣмъ не менѣе ходячія представленія о послѣдствіяхъ разгона слишкомъ схематичны, слишкомъ упрощены. Между разгономъ и возстаніемъ народа нѣтъ, во всякомъ случаѣ, необходимой связи. Западно-европейская исторія, на которую такъ часто ссылаются наши парламентаріи, говоритъ какъ разъ обратное. Созванная въ февралѣ 1849 года, на основаніи либеральнаго, въ общемъ, избирательнаго закона, прусская нижняя палата признала незаконнымъ объявленное въ Берлинѣ, до ея созыва, военное положеніе и потребовала отъ правительства признанія общеимперской конституціи, выработанной франкфуртскимъ парламентомъ. Правительство ни того, ни другого не сдѣлало, распустило палату и вслѣдъ затѣмъ издало знаменитый трехклассовый законъ. Народъ не поднялся, законъ дѣйствуетъ и понынѣ. Такого рода разгоновъ было много въ новѣйшей исторіи Западной Европы, и мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно ни одного случая, когда за разгономъ слѣдовало бы возстаніе народныхъ массъ. Это не значитъ, конечно, что у насъ этого быть не можетъ.

Разгонъ, какъ и всякій другой политическій актъ, имѣетъ то или другое значеніе, приводитъ къ тѣмъ или другимъ слѣдствіямъ въ зависимости отъ конкретной обстановки, въ которой онъ происходитъ. Ссылка на Западную Европу можетъ показать только, что дѣло сложнѣе, чѣмъ оно кажется,

родъ поднимется, какъ одинъ человѣкъ; тогда и слѣпые прозрѣютъ, и правительство окажется совершенно висящимъ въ воздухѣ, и т. д. Всѣ версіи сходятся въ томъ, что за „разгономъ“ раскроется пропасть, которая поглотитъ ненавистное правительство.

Дума—несомнѣнно центръ агитаціи; „разгонъ“ ея, т. е. прекращеніе по требованію правительства настоящей сессіи раньше, чѣмъ народъ увидитъ плоды ея трудовъ, несомнѣнно, поразилъ бы умы. Тѣмъ не менѣе ходячія представленія о послѣдствіяхъ разгона слишкомъ схематичны, слишкомъ упрощены. Между разгономъ и возстаніемъ народа нѣтъ, во всякомъ случаѣ, необходимой связи. Западно-европейская исторія, на которую такъ часто ссылаются наши парламентаріи, говоритъ какъ разъ обратное. Созванная въ февралѣ 1849 года, на основаніи либеральнаго, въ общемъ, избирательнаго закона, прусская нижняя палата признала незаконнымъ объявленное въ Берлинѣ, до ея созыва, военное положеніе и потребовала отъ правительства признанія общеимперской конституціи, выработанной франкфуртскимъ парламентомъ. Правительство ни того, ни другого не сдѣлало, распустило палату и вслѣдъ затѣмъ издало знаменитый трехклассовый законъ. Народъ не поднялся, законъ дѣйствуетъ и понынѣ. Такого рода разгоновъ было много въ новѣйшей исторіи Западной Европы, и мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно ни одного случая, когда за разгономъ слѣдовало бы возстаніе народныхъ массъ. Это не значитъ, конечно, что у насъ этого быть не можетъ.

Разгонъ, какъ и всякій другой политическій актъ, имѣетъ то или другое значеніе, приводитъ къ тѣмъ или другимъ слѣдствіямъ въ зависимости отъ конкретной обстановки, въ которой онъ происходитъ. Ссылка на Западную Европу можетъ показать только, что дѣло сложнѣе, чѣмъ оно кажется,

При оцѣнкѣ психологическаго дѣйствія, которое произвелъ бы разгонъ думы, неправильно, раньше всего, представляютъ себѣ темпъ, быстроту распространенія его. О манифестѣ 17 октября въ глухихъ деревняхъ узнали мѣсяцъ спустя и даже позже. Несомнѣнно, что страна, сосредоточившая свое вниманіе на думѣ, проявляетъ большую воспріимчивость, большую проводимость по отношенію къ извѣстіямъ именно о думѣ. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что извѣстіе о разгонѣ, все содержаніе этого извѣстія, можетъ стать достояніемъ обширной страны лишь медленно; тѣмъ болѣе, что къ тому времени правительство, конечно, позаботилось бы о томъ, чтобы совершенно обуздать печать и сдѣлать невозможнымъ свободное общеніе между людьми; сообщеніе города съ деревней, интеллигенціи съ массой, словомъ — всѣ средства агитаціи были бы по возможности парализованы; и въ то же время правительство, располагая обширной, развѣтвленной по всей странѣ организаціей, использовало бы ее, конечно, для агитаціи, какъ и по скольку оно нашло бы для себя это выгоднымъ. Можно почти безошибочно утверждать, что по всей странѣ разгонъ думы отозвался бы *на первыхъ порахъ* только неопредѣленнымъ чувствомъ тревоги и возбужденія. Именно такое чувство, охватывая народныя массы, совершаетъ иногда чудеса. Великая муниципальная революція во Франціи въ іюлѣ— августѣ 1789 г. совершена была именно подъ давленіемъ такого неопредѣленнаго чувства тревоги, когда по деревнямъ и провинціальнымъ городамъ распространялись извѣстія о приближающихся разбойникахъ и имъ подобныя, смыслъ которыхъ былъ одинъ и тотъ же: защищайтесь сами, вамъ не на кого надѣяться, кромѣ самихъ себя. У насъ, однако, нѣчто подобное могло бы произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы началось и болѣе или менѣе успѣшно развилось къ тому

При оцѣнкѣ психологическаго дѣйствія, которое произвелъ бы разгонъ думы, неправильно, раньше всего, представляютъ себѣ темпъ, быстроту распространенія его. О манифестѣ 17 октября въ глухихъ деревняхъ узнали мѣсяцъ спустя и даже позже. Несомнѣнно, что страна, сосредоточившая свое вниманіе на думѣ, проявляетъ большую воспріимчивость, большую проводимость по отношенію къ извѣстіямъ именно о думѣ. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что извѣстіе о разгонѣ, все содержаніе этого извѣстія, можетъ стать достояніемъ обширной страны лишь медленно; тѣмъ болѣе, что къ тому времени правительство, конечно, позаботилось бы о томъ, чтобы совершенно обуздать печать и сдѣлать невозможнымъ свободное общеніе между людьми; сообщеніе города съ деревней, интеллигенціи съ массой, словомъ — всѣ средства агитаціи были бы по возможности парализованы; и въ то же время правительство, располагая обширной, развѣтвленной по всей странѣ организаціей, использовало бы ее, конечно, для агитаціи, какъ и по скольку оно нашло бы для себя это выгоднымъ. Можно почти безошибочно утверждать, что по всей странѣ разгонъ думы отозвался бы *на первыхъ порахъ* только неопредѣленнымъ чувствомъ тревоги и возбужденія. Именно такое чувство, охватывая народныя массы, совершаетъ иногда чудеса. Великая муниципальная революція во Франціи въ іюлѣ—августѣ 1789 г. совершена была именно подъ давленіемъ такого неопредѣленнаго чувства тревоги, когда по деревнямъ и провинціальнымъ городамъ распространялись извѣстія о приближающихся разбойникахъ и имъ подобныя, смыслъ которыхъ былъ одинъ и тотъ же: защищайтесь сами, — вамъ не на кого надѣяться, кромѣ самихъ себя. У насъ, однако, нѣчто подобное могло бы произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы началось и болѣе или менѣе успѣшно развилось къ тому

времени движеніе въ центрахъ — въ столицахъ, въ крупныхъ городахъ, въ прижелѣзнодорожныхъ и прирѣчныхъ мѣстностяхъ. Въ связи съ разгономъ думы такое движеніе менѣе всего, однако, вѣроятно. Правительственная организація еще настолько сильна, что когда она, приготовившись, выбравъ мѣсто и время, опредѣливъ форму поединка, дѣлаетъ вызовъ, революція часто фактически не въ состояніи его принять. Революція вообще слабѣе въ оборонѣ, сильнѣе въ нападеніи—по той простой причинѣ, что въ самомъ фактѣ нападенія сказывается уже то, что данный моментъ оказался наиболѣе благопріятнымъ для объединенія того безконечно большого числа силъ, изъ которыхъ складывается революціонное дѣйствіе.

Слѣдуетъ ли отсюда, что правительство легко рѣшится разогнать думу? Никоимъ образомъ. Если разгонъ и не грозитъ непосредственнымъ возстаніемъ, то все же онъ повиснетъ тяжелымъ баластомъ на шеѣ бюрократіи. Каковы бы ни были посредственные, отдаленные результаты думской работы, непосредственно, ближайшимъ образомъ, она скорѣе выгодна для охранителей порядка, ибо „въ данный моментъ дума представляетъ плотину, которая задерживаетъ народъ отъ всякихъ безпорядковъ и волненій",—свидѣтельствуетъ вернувшійся изъ поѣздки въ свои мѣста членъ государственной думы, кадетъ П. Сафоновъ, тогда какъ разгонъ думы поставитъ, во всякомъ случаѣ, предъ лѣнивой, развращенной и неспособной бюрократіей новыя и весьма сложныя задачи. Правительство, несомнѣнно, не легко рѣшится разогнать или просто распустить думу. Но раньше или позже сдѣлать это, разумѣется, все-таки придется, если сама страна еще до того не скажетъ своего властнаго слова и не перепутаетъ всѣхъ разсчетовъ.

Если дума будетъ распущена, не добившись види-

времени движеніе въ центрахъ — въ столицахъ, въ крупныхъ городахъ, въ прижелѣзнодорожныхъ и прирѣчныхъ мѣстностяхъ. Въ связи съ разгономъ думы такое движеніе менѣе всего, однако, вѣроятно. Правительственная организація еще настолько сильна, что когда она, приготовившись, выбравъ мѣсто и время, опредѣливъ форму поединка, дѣлаетъ вызовъ, революція часто фактически не въ состояніи его принять. Революція вообще слабѣе въ оборонѣ, сильнѣе въ нападеніи—по той простой причинѣ, что въ самомъ фактѣ нападенія сказывается уже то, что данный моментъ оказался наиболѣе благопріятнымъ для объединенія того безконечно большого числа силъ, изъ которыхъ складывается революціонное дѣйствіе.

Слѣдуетъ ли отсюда, что правительство легко рѣшится разогнать думу? Никоимъ образомъ. Если разгонъ и не грозитъ непосредственнымъ возстаніемъ, то все же онъ повиснетъ тяжелымъ баластомъ на шеѣ бюрократіи. Каковы бы ни были посредственные, отдаленные результаты думской работы, непосредственно, ближайшимъ образомъ, она скорѣе выгодна для охранителей порядка, ибо „въ данный моментъ дума представляетъ плотину, которая задерживаетъ народъ отъ всякихъ безпорядковъ и волненій",—свидѣтельствуетъ вернувшійся изъ поѣздки въ свои мѣста членъ государственной думы, кадетъ П. Сафоновъ, тогда какъ разгонъ думы поставитъ, во всякомъ случаѣ, предъ лѣнивой, развращенной и неспособной бюрократіей новыя и весьма сложныя задачи. Правительство, несомнѣнно, не легко рѣшится разогнать или просто распустить думу. Но раньше или позже сдѣлать это, разумѣется, все-таки придется, если сама страна еще до того не скажетъ своего властнаго слова и не перепутаетъ всѣхъ разсчетовъ.

Если дума будетъ распущена, не добившись види-

мыхъ, осязательныхъ результатовъ, то дѣйствіе на страну это произведетъ сильное—объ этомъ нѣтъ спору. Дѣйствіе это, какъ я объяснилъ уже, будетъ не мгновеннымъ, а длительнымъ. Каково будетъ это дѣйствіе по характеру своему, по качеству? Народъ увидитъ, народъ пойметъ, для всѣхъ станетъ ясно, будутъ разрушены послѣднія предразсудки—вотъ какъ чаще всего представляютъ себѣ это дѣйствіе. И жизнь думы, и смерть ея, да и всякое политическое дѣйствіе оказываются просто предметными уроками; вся политическая жизнь въ странѣ—не больше, какъ просвѣтительная дѣятельность. Необходимо возможно чаще и возможно энергичнѣе высказываться противъ этого поверхностнаго, раціоналистическаго пониманія исторіи. Оно невѣрно вообще и въ особенности невѣрно въ эпохи глубокихъ переломовъ. Въ такія бурныя времена, какъ переживаемое нами, народная мысль работаетъ крайне интенсивно; рушатся вѣковые предразсудки, складываются новыя понятія, вырабатываются новыя цѣнности. Но все это — скорѣе результатъ дѣйствія, чѣмъ причины его. По мѣрѣ того, какъ народныя массы втягиваются историческимъ процессомъ въ дѣйствіе; по мѣрѣ того, какъ измѣняются старыя отношенія и образуются новыя; по мѣрѣ того, какъ растетъ вызванная дѣйствіями-же и сложностью новыхъ отношеній психическая воспріимчивость,—по мѣрѣ этого расширяется горизонтъ народной мысли, углубляется и проясняется содержаніе ея. Ко времени великой революціи во Франціи французское крестьянство было не болѣе просвѣщено, чѣмъ наше крестьянство; при всей своей темнотѣ, наше крестьянство и 5 и 10 лѣтъ тому назадъ знало, понимало все, что нужно для того, чтобы начать борьбу за свое право на человѣческое существованіе, за свои кровныя интересы, за удовлетвореніе своей тяжелой нужды. Оно знало, что чиновничество—отъ сель-

мыхъ, осязательныхъ результатовъ, то дѣйствіе на страну это произведетъ сильное—объ этомъ нѣтъ спору. Дѣйствіе это, какъ я объяснилъ уже, будетъ не мгновеннымъ, а длительнымъ. Каково будетъ это дѣйствіе по характеру своему, по качеству? Народъ увидитъ, народъ пойметъ, для всѣхъ станетъ ясно, будутъ разрушены послѣднія предразсудки—вотъ какъ чаще всего представляютъ себѣ это дѣйствіе. И жизнь думы, и смерть ея, да и всякое политическое дѣйствіе оказываются просто предметными уроками; вся политическая жизнь въ странѣ—не больше, какъ просвѣтительная дѣятельность. Необходимо возможно чаще и возможно энергичнѣе высказываться противъ этого поверхностнаго, раціоналистическаго пониманія исторіи. Оно невѣрно вообще и въ особенности невѣрно въ эпохи глубокихъ переломовъ. Въ такія бурныя времена, какъ переживаемое нами, народная мысль работаетъ крайне интенсивно; рушатся вѣковые предразсудки, складываются новыя понятія, вырабатываются новыя цѣнности. Но все это — скорѣе результатъ дѣйствія, чѣмъ причины его. По мѣрѣ того, какъ народныя массы втягиваются историческимъ процессомъ въ дѣйствіе; по мѣрѣ того, какъ измѣняются старыя отношенія и образуются новыя; по мѣрѣ того, какъ растетъ вызванная дѣйствіями-же и сложностью новыхъ отношеній психическая воспріимчивость,—по мѣрѣ этого расширяется горизонтъ народной мысли, углубляется и проясняется содержаніе ея. Ко времени великой революціи во Франціи французское крестьянство было не болѣе просвѣщено, чѣмъ наше крестьянство; при всей своей темнотѣ, наше крестьянство и 5 и 10 лѣтъ тому назадъ знало, понимало все, что нужно для того, чтобы начать борьбу за свое право на человѣческое существованіе, за свои кровныя интересы, за удовлетвореніе своей тяжелой нужды. Оно знало, что чиновничество—отъ сель-

скаго старосты до губернатора—чинитъ надъ нимъ насиліе, беззаконіе, что дворяне-землевладѣльцы морятъ его земельнымъ голодомъ, что съ него слишкомъ много берутъ и слишкомъ мало ему даютъ. Больше этого не знало и французское крестьянство ко времени великаго переворота. Было знаніе и десять лѣтъ тому назадъ, но не было координированной воли, не было готовности къ дѣйствію и увѣренности въ его возможности. Много лѣтъ пропаганды и агитаціи внесли немало свѣта въ народныя массы; но гораздо больше ихъ значеніе тѣмъ, что онѣ организовывали непосредственно дѣйствіе, упражняли волю; каждая стачка, каждое собраніе, даже просто слушаніе недозволенныхъ рѣчей и разговоровъ было въ то время важнымъ политическимъ дѣйствіемъ, борьбою, актомъ воли. Революція начинается не тогда, когда всѣ умы просвѣтились, а тогда, когда милліонами людей неодолимо овладѣваетъ жажда новаго, готовность къ борьбѣ; когда быстро, подобно заразѣ, распространяется вѣра и увѣренность, что настала настоящій моментъ, что теперь всѣ пойдутъ, всѣ поднимутся. Эти волевые моменты не всегда связаны съ пониманіемъ и, во всякомъ случаѣ, не пропорціональны ему; они имѣютъ для продолженія революціи и ея развитія то же значеніе, что и для ея возникновенія. И если мы говоримъ объ опредѣленномъ политическомъ актѣ, если мы пытаемся опредѣлить значеніе опредѣленнаго явленія для революціонной борьбы, то мы должны спрашивать не только о томъ, просвѣщаетъ ли это явленіе разумъ, но въ гораздо большей еще мѣрѣ насъ должно интересовать—организуетъ ли оно готовность и способность къ дѣйствію?

Если смотрѣть съ этой стороны, то нужно будетъ признать, что впечатлѣніе отъ разгона думы будетъ, вѣроятно, весьма пестрое даже въ предѣлахъ прогрессив-

скаго старосты до губернатора—чинить надъ нимъ насиліе, беззаконіе, что дворяне-землевладѣльцы морятъ его земельнымъ голодомъ, что съ него слишкомъ много берутъ и слишкомъ мало ему даютъ. Больше этого не знало и французское крестьянство ко времени великаго переворота. Было знаніе и десять лѣтъ тому назадъ, но не было координированной воли, не было готовности къ дѣйствію и увѣренности въ его возможности. Много лѣтъ пропаганды и агитаціи внесли немало свѣта въ народныя массы; но гораздо больше ихъ значеніе тѣмъ, что онѣ организовывали непосредственно дѣйствіе, упражняли волю; каждая стачка, каждое собраніе, даже просто слушаніе недозволенныхъ рѣчей и разговоровъ было въ то время важнымъ политическимъ дѣйствіемъ, борьбою, актомъ воли. Революція начинается не тогда, когда всѣ умы просвѣтились, а тогда, когда милліонами людей неодолимо овладѣваетъ жажда новаго, готовность къ борьбѣ; когда быстро, подобно заразѣ, распространяется вѣра и увѣренность, что насталъ настоящій моментъ, что теперь всѣ пойдутъ, всѣ поднимутся. Эти волевые моменты не всегда связаны съ пониманіемъ и, во всякомъ случаѣ, не пропорціональны ему; они имѣютъ для продолженія революціи и ея развитія то же значеніе, что и для ея возникновенія. И если мы говоримъ объ опредѣленномъ политическомъ актѣ, если мы пытаемся опредѣлить значеніе опредѣленнаго явленія для революціонной борьбы, то мы должны спрашивать не только о томъ, просвѣщаетъ ли это явленіе разумъ, но въ гораздо большей еще мѣрѣ насъ должно интересовать—организуетъ ли оно готовность и способность къ дѣйствію?

Если смотрѣть съ этой стороны, то нужно будетъ признать, что впечатлѣніе отъ разгона думы будетъ, вѣроятно, весьма пестрое даже въ предѣлахъ прогрессив-

ной части русскаго общества. Чувство разочарованія и нѣкоторый упадокъ духа вызвалъ бы, вѣроятно, разгонъ въ тѣхъ кругахъ городского общества, которые брали легкій реваншъ съ правительства Дурново, отдавая въ изобиліи свои избирательные бюллетени кадетскимъ кандидатамъ; гнѣвъ и рѣшимость вызвалъ бы онъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые бойкотировали думу,—въ рабочей средѣ вообще и въ передовой части крестьянства, настроеніе котораго выражаетъ трудовая группа; чувство подавленности и безнадежности можетъ вызвать то же событіе въ той части населенія, про которую говорятъ, что она относится съ религіознымъ благоговѣніемъ къ думѣ, „молится на нее, какъ на образъ". На думѣ сосредоточены надежды населенія, но въ ней не сосредоточена его воля, которая на выборахъ не могла проявиться, и для большинства населенія дума—нѣчто вродѣ талисмана или чудодѣйственнаго источника. Разгонъ думы, ея безсиліе, ея паденіе просвѣтятъ, возможно, кое-кого насчетъ чудесъ, но непосредственно на волю это должно подѣйствовать угнетающе, какъ всегда, когда рушится то, что казалось „вѣрнымъ средствомъ". Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что разгонъ думы окажется въ конечномъ счетѣ минусомъ, отрицательнымъ факторомъ въ дѣлѣ революціи. Въ революціонное время всякое политическое явленіе, которое поражаетъ умы, можетъ оказаться положительнымъ факторомъ, двигателемъ. Было бы безплодной задачей слѣдить за тѣмъ, какъ впечатлѣніе отъ того или другого политическаго акта или событія, сталкиваясь съ другими, усложняясь, въ концѣ концовъ приводитъ къ дѣйствію или бездѣйствію. Мы можемъ только предсказывать о ближайшемъ, и то только потому, что тутъ мы въ формѣ предсказанія рисуемъ то, что уже есть, что болѣе или менѣе ясно намѣтилось. Единственное, что

ной части русскаго общества. Чувство разочарованія и нѣкоторый упадокъ духа вызвалъ бы, вѣроятно, разгонъ въ тѣхъ кругахъ городского общества, которые брали легкій реваншъ съ правительства Дурново, отдавая въ изобиліи свои избирательные бюллетени кадетскимъ кандидатамъ; гнѣвъ и рѣшимость вызвалъ бы онъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые бойкотировали думу,—въ рабочей средѣ вообще и въ передовой части крестьянства, настроеніе котораго выражаетъ трудовая группа; чувство подавленности и безнадежности можетъ вызвать то же событіе въ той части населенія, про которую говорятъ, что она относится съ религіознымъ благоговѣніемъ къ думѣ, „молится на нее, какъ на образъ". На думѣ сосредоточены надежды населенія, но въ ней не сосредоточена его воля, которая на выборахъ не могла проявиться, и для большинства населенія дума—нѣчто вродѣ талисмана или чудодѣйственнаго источника. Разгонъ думы, ея безсиліе, ея паденіе просвѣтятъ, возможно, кое-кого насчетъ чудесъ, но непосредственно на волю это должно подѣйствовать угнетающе, какъ всегда, когда рушится то, что казалось „вѣрнымъ средствомъ". Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что разгонъ думы окажется въ конечномъ счетѣ минусомъ, отрицательнымъ факторомъ въ дѣлѣ революціи. Въ революціонное время всякое политическое явленіе, которое поражаетъ умы, можетъ оказаться положительнымъ факторомъ, двигателемъ. Было бы безплодной задачей слѣдить за тѣмъ, какъ впечатлѣніе отъ того или другого политическаго акта или событія, сталкиваясь съ другими, усложняясь, въ концѣ концовъ приводитъ къ дѣйствію или бездѣйствію. Мы можемъ только предсказывать о ближайшемъ, и то только потому, что тутъ мы въ формѣ предсказанія рисуемъ то, что уже есть, что болѣе или менѣе ясно намѣтилось. Единственное, что

мы можемъ сказать о ближайшихъ слѣдствіяхъ разгона думы, это то, что онъ вызоветъ различныя, отчасти противоположныя эмоціи, которыя непосредственно въ дѣйствіе, вѣроятнѣе всего, не перейдутъ.

И тѣмъ не менѣе мы должны ждать, что разгонъ думы будетъ сопровождаться очень бурными событіями; только это будутъ бури не революціонныя, а контръ-революціонныя; мы должны ждать погромовъ и должны готовиться къ борьбѣ съ ними. Разгонъ думы будетъ критическимъ моментомъ для правительства, а когда правительство находится въ крайнемъ затрудненіи, оно, совершенно естественно, ищетъ опоры въ обществѣ и находитъ ее въ видѣ погромовъ. Организація власти не стоитъ внѣ общества; она окружена имъ со всѣхъ сторонъ, связана съ нимъ тысячами нитей; она сама есть часть общества. Но въ то же время эта организація въ теченіе десятилѣтій служила не обществу, а своекорыстнымъ цѣлямъ самовластія—самовластія въ принципѣ на верху, самовластія въ дѣйствительности на всѣхъ ступеняхъ. Служа исключительно противообщественнымъ задачамъ, организація власти и въ самомъ обществѣ связалась крѣпкими узами со всѣмъ, что есть въ немъ противообщественнаго, разрушительнаго. Все темное, разлагающее и разлагающееся, удушливое и удушающее находитъ опору во власти, которая остается постояннымъ, перманентнымъ центромъ погромной дѣятельности. Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному достаточно прочесть слѣдующую небольшую корреспонденцію въ „Рѣчи“ (№ 87). „Судогда, влад. губ. Недавно у мѣстнаго судьи разбиралось дѣло по обвиненію трехъ черносотенцевъ, мѣстныхъ торговцевъ, въ погромѣ квартиры земскаго землемѣра г. Лясковскаго, въ избіеніи его матери г-жи Ивановой и въ кражѣ денегъ во время погрома. Судья оправдалъ обвиняемыхъ въ на-

мы можемъ сказать о ближайшихъ слѣдствіяхъ разгона думы, это то, что онъ вызоветъ различныя, отчасти противоположныя эмоціи, которыя непосредственно въ дѣйствіе, вѣроятнѣе всего, не перейдутъ.

И тѣмъ не менѣе мы должны ждать, что разгонъ думы будетъ сопровождаться очень бурными событіями; только это будутъ бури не революціонныя, а контръ-революціонныя; мы должны ждать погромовъ и должны готовиться къ борьбѣ съ ними. Разгонъ думы будетъ критическимъ моментомъ для правительства, а когда правительство находится въ крайнемъ затрудненіи, оно, совершенно естественно, ищетъ опоры въ обществѣ и находитъ ее въ видѣ погромовъ. Организація власти не стоитъ внѣ общества; она окружена имъ со всѣхъ сторонъ, связана съ нимъ тысячами нитей; она сама есть часть общества. Но въ то же время эта организація въ теченіе десятилѣтій служила не обществу, а своекорыстнымъ цѣлямъ самовластія—самовластія въ принципѣ на верху, самовластія въ дѣйствительности на всѣхъ ступеняхъ. Служа исключительно противообщественнымъ задачамъ, организація власти и въ самомъ обществѣ связалась крѣпкими узами со всѣмъ, что есть въ немъ противообщественнаго, разрушительнаго. Все темное, разлагающее и разлагающееся, удушливое и удушающее находитъ опору во власти, которая остается постояннымъ, перманентнымъ центромъ погромной дѣятельности. Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному достаточно прочесть слѣдующую небольшую корреспонденцію въ „Рѣчи“ (№ 87). „Судогда, влад. губ. Недавно у мѣстнаго судьи разбиралось дѣло по обвиненію трехъ черносотенцевъ, мѣстныхъ торговцевъ, въ погромѣ квартиры земскаго землемѣра г. Лясковскаго, въ избіеніи его матери г-жи Ивановой и въ кражѣ денегъ во время погрома. Судья оправдалъ обвиняемыхъ въ на-

несенiи побоевъ, а дѣло о погромѣ и кражѣ слушанiемъ отложилъ. Бесѣдуя послѣ суда съ г-жой Ивановой, городской судья высказалъ, что онъ убѣжденъ, что побои и кражу совершили обвиняемые, но присудить ихъ не можетъ: *онѣ люди не пришлые, а мѣстные, люди благонадежные, на которыхъ опирается правительство*". Чѣмъ острѣе борьба, которую приходится вести власти за свое существованiе, тѣмъ тѣснѣе она сближается съ родственной ей частью общества, а когда наступаютъ трудныя минуты, она почти инстинктивно стремится къ полному съ нимъ слiянiю: облеченные властью почти открыто превращаются въ громилъ, громилы открыто облекаются властью, и въ Россiи устанавливается тотъ спецiальный видъ анархiи, который извѣстенъ только у насъ. Въ октябрѣ прошлаго года, въ тѣ самые дни, когда редактировался манифестъ, которымъ самодержавiе, по крайней мѣрѣ формально, капитулировало, въ это самое время разсылались циркулярныя письма, открыто призывавшiя къ погрому, и мы знаемъ, какiе ужасные плоды далъ этотъ дьявольскiй посѣвъ. Это дѣлали разныя *лица*: манифестъ готовили одни, погромы подготовляли и подготовили другiе,—но это дѣлала одна *организацiя*, которая и тѣмъ, и другимъ спасала себя.

Черносотенные телеграммы, печатаемые въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", объявленiя, съ которыми губернаторы обращаются за послѣднiе дни къ населенiю по поводу дѣятельности думы и отдѣльныхъ группъ ея, да и всѣ свѣдѣнiя, которыя приходятъ изъ провинцiи, показываютъ, что погромный механизмъ дѣйствуетъ исправно. Въ добромъ желанiи использовать въ надлежащiй моментъ результаты этой дѣятельности недостатка не будетъ; слишкомъ ужъ много выгодъ—временныхъ, конечно,—представляютъ погромы для правящихъ въ критическiе моменты. Разра-

несенiи побоевъ, а дѣло о погромѣ и кражѣ слушанiемъ отложилъ. Бесѣдуя послѣ суда съ г-жой Ивановой, городской судья высказалъ, что онъ убѣжденъ, что побои и кражу совершили обвиняемые, но присудить ихъ не можетъ: *онѣ люди не пришлые, а мѣстные, люди благонадежные, на которыхъ опирается правительство*". Чѣмъ острѣе борьба, которую приходится вести власти за свое существованiе, тѣмъ тѣснѣе она сближается съ родственной ей частью общества, а когда наступаютъ трудныя минуты, она почти инстинктивно стремится къ полному съ нимъ слiянiю: облеченные властью почти открыто превращаются въ громилъ, громилы открыто облекаются властью, и въ Россiи устанавливается тотъ спецiальный видъ анархiи, который извѣстенъ только у насъ. Въ октябрѣ прошлаго года, въ тѣ самые дни, когда редактировался манифестъ, которымъ самодержавiе, по крайней мѣрѣ формально, капитулировало, въ это самое время разсылались циркулярныя письма, открыто призывавшiя къ погрому, и мы знаемъ, какiе ужасные плоды далъ этотъ дьявольскiй посѣвъ. Это дѣлали разныя *лица*: манифестъ готовили одни, погромы подготовляли и подготовили другiе,—но это дѣлала одна *организацiя*, которая и тѣмъ, и другимъ спасала себя.

Черносотенные телеграммы, печатаемые въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", объявленiя, съ которыми губернаторы обращаются за послѣднiе дни къ населенiю по поводу дѣятельности думы и отдѣльныхъ группъ ея, да и всѣ свѣдѣнiя, которыя приходятъ изъ провинцiи, показываютъ, что погромный механизмъ дѣйствуетъ исправно. Въ добромъ желанiи использовать въ надлежащiй моментъ результаты этой дѣятельности недостатка не будетъ; слишкомъ ужъ много выгодъ—временныхъ, конечно,—представляютъ погромы для правящихъ въ критическiе моменты. Разра-

зившись, погромы втягиваютъ не только преступные элементы, но также значительные массы простого, темнаго населенія, которыя тѣмъ самымъ отрываются на время, по крайней мѣрѣ, отъ общества и прилипаютъ къ власти, съ которой онѣ связаны общностью преступленія; разгромленные, пострадавшіе — прямо или косвенно—выбываютъ на время изъ строя, часть обывательщины, напуганная анархіей, готова искать опоры у правительства; обостряется и созидается заново національная рознь. Среди ею же созданнаго хаоса власть выступаетъ въ роли зиждительницы, и ея положеніе, несомнѣнно, на время упрочивается. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что октябрьскіе погромы открыли путь къ позднѣйшему торжеству реакціи.

По всѣмъ даннымъ мы должны ждать, что разгонъ думы окажется надлежащимъ моментомъ для надлежащихъ погромовъ, и это выдвигаетъ задачу борьбы съ погромами на первую очередь. Противъ карательныхъ экспедицій и военныхъ судовъ мы пока безсильны; но противъ погромовъ общество имѣетъ средства для борьбы и теперь; эти средства -усиленная агитація противъ нихъ. Какъ ни велико было прямое участіе организованной власти въ послѣднихъ погромахъ, все же и эти погромы дѣлались не только въ обществѣ, но и черезъ общество—при прямомъ содѣйствіи однихъ, молчаливомъ одобреніи другихъ и безпомощной растерянности третьихъ—огромнаго большинства. Погромы перестаютъ быть погромами, теряютъ свои характерныя особенности и приближаются къ карательнымъ экспедиціямъ—въ той мѣрѣ, въ какой уменьшается степень активнаго и пассивнаго участія въ нихъ общества. При извѣстной степени общественнаго возбужденія противъ погромовъ, въ моментъ сосредоточенія борьбы противъ нихъ, они становятся почти невозможными. Октябрьскіе погромы потому и получили

зившись, погромы втягиваютъ не только преступные элементы, но также значительные массы простого, темнаго населенія, которыя тѣмъ самымъ отрываются на время, по крайней мѣрѣ, отъ общества и прилипаютъ къ власти, съ которой онѣ связаны общностью преступленія; разгромленные, пострадавшіе — прямо или косвенно—выбываютъ на время изъ строя, часть обывательщины, напуганная анархіей, готова искать опоры у правительства; обостряется и созидается заново національная рознь. Среди ею же созданнаго хаоса власть выступаетъ въ роли зиждительницы, и ея положеніе, несомнѣнно, на время упрочивается. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что октябрьскіе погромы открыли путь къ позднѣйшему торжеству реакціи.

По всѣмъ даннымъ мы должны ждать, что разгонъ думы окажется надлежащимъ моментомъ для надлежащихъ погромовъ, и это выдвигаетъ задачу борьбы съ погромами на первую очередь. Противъ карательныхъ экспедицій и военныхъ судовъ мы пока безсильны; но противъ погромовъ общество имѣетъ средства для борьбы и теперь; эти средства -усиленная агитація противъ нихъ. Какъ ни велико было прямое участіе организованной власти въ послѣднихъ погромахъ, все же и эти погромы дѣлались не только въ обществѣ, но и черезъ общество—при прямомъ содѣйствіи однихъ, молчаливомъ одобреніи другихъ и безпомощной растерянности третьихъ—огромнаго большинства. Погромы перестаютъ быть погромами, теряютъ свои характерныя особенности и приближаются къ карательнымъ экспедиціямъ—въ той мѣрѣ, въ какой уменьшается степень активнаго и пассивнаго участія въ нихъ общества. При извѣстной степени общественнаго возбужденія противъ погромовъ, въ моментъ сосредоточенія борьбы противъ нихъ, они становятся почти невозможными. Октябрьскіе погромы потому и получили

такое ужасающее распространеніе и были такъ ужасно кровавы, что они были неожиданны; нападеніе на общество было произведено съ тыла въ то самое время, когда на фронтѣ вели съ нимъ переговоры о мирѣ.

Я убѣжденъ, что борьба противъ погромовъ—неотложная и важнѣйшая задача дня. Устное и печатное слово—газеты, брошюры, собранія, митинги—должны быть использованы для этой борьбы. Всѣ организованныя группы прогрессивной части общества—партіи, союзы, клубы, просвѣтительныя общества и другія общественныя учрежденія должны удѣлить особое вниманіе этой борьбѣ, какъ важнѣйшей тактической задачѣ момента.

Первая статья моя о тактикѣ текущаго момента была посвящена выборамъ, вторая—думѣ, третья началась думой и кончилась погромами. Такова логика жизни—той жизни, которая насъ окружаетъ.

IV

Передъ второй думой.

То, о чемъ я 1-го іюня писалъ предположительно, давно уже стало совершившимся фактомъ; дѣйствительность далеко еще превзошла всѣ наши ожиданія и всѣ наши опасенія. Дума разогнана, и разгонъ ея, вызвавъ конвульсивныя сотрясенія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, не привелъ къ всеобщему подъему въ странѣ. Были безпримѣрно-кровавые погромы, хотя широкаго распространенія они не получили; но погромныя тучи зловѣще висятъ надъ Россіей, и никогда еще не было болѣе вѣрно, чѣмъ теперь, что „громилы открыто облекаются властью"; если начальствующимъ лицамъ приказываютъ, подъ угрозой увольненія отъ службы, содѣй-

такое ужасающее распространеніе и были такъ ужасно кровавы, что они были неожиданны; нападеніе на общество было произведено съ тыла въ то самое время, когда на фронтѣ вели съ нимъ переговоры о мирѣ.

Я убѣжденъ, что борьба противъ погромовъ—неотложная и важнѣйшая задача дня. Устное и печатное слово—газеты, брошюры, собранія, митинги—должны быть использованы для этой борьбы. Всѣ организованныя группы прогрессивной части общества—партіи, союзы, клубы, просвѣтительныя общества и другія общественныя учрежденія должны удѣлить особое вниманіе этой борьбѣ, какъ важнѣйшей тактической задачѣ момента.

Первая статья моя о тактикѣ текущаго момента была посвящена выборамъ, вторая—думѣ, третья началась думой и кончилась погромами. Такова логика жизни—той жизни, которая насъ окружаетъ.

IV

Передъ второй думой.

То, о чемъ я 1-го іюня писалъ предположительно, давно уже стало совершившимся фактомъ; дѣйствительность далеко еще превзошла всѣ наши ожиданія и всѣ наши опасенія. Дума разогнана, и разгонъ ея, вызвавъ конвульсивныя сотрясенія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, не привелъ къ всеобщему подъему въ странѣ. Были безпримѣрно-кровавые погромы, хотя широкаго распространенія они не получили; но погромныя тучи зловѣще висятъ надъ Россіей, и никогда еще не было болѣе вѣрно, чѣмъ теперь, что „громилы открыто облекаются властью“; если начальствующимъ лицамъ приказываютъ, подъ угрозой увольненія отъ службы, содѣй-

ствовать союзу русскихъ людей („Рѣчь“, № 225), то не значитъ ли это, что организація власти подчинена погромной организаціи? Въ полной мѣрѣ и даже больше того сбылось, конечно, предсказаніе, что вмѣстѣ съ разгомомъ думы будутъ пущены въ ходъ свирѣпыя репрессіи; *этихъ* ожиданій русское правительство никогда еще не обмануло. Правительство Столыпина пошло въ этомъ направленіи дальше, чѣмъ можно было вѣрить даже послѣ управленія Дурново. Все его управленіе носитъ характеръ мрачнаго запоя — ни разумнаго разсчета, ни порыва, ни страсти; преслѣдуютъ, душатъ и убиваютъ сегодня потому, что и вчера преслѣдовали, душили и убивали; завтра будутъ дѣлать то же, потому что это уже дѣлается сегодня. Въ то же время правительство, презирая всѣ права народнаго представительства, проводитъ помимо него, на свой рискъ и страхъ, всякіе законы, какіе только находитъ нужнымъ въ цѣляхъ борьбы съ народомъ. Знаменитой 87 статьей основныхъ законовъ министерство пользуется съ безстыдствомъ, на какое способны только истинные варвары или люди въ безнадежно пьяномъ состояніи.

Нуждаясь опять и опять въ европейскомъ золотѣ, правительство не отваживается еще завершить государственный переворотъ, въ главной части своей уже сдѣланный, и среди мрака реакціи граждане снова призываются къ избирательнымъ урнамъ. Но при этомъ министерство не останавливается ни предъ какими средствами, ни предъ какимъ насиліемъ, чтобы получить чистопробное европейское золото подъ залогъ не настоящаго, а фальсифицированного народнаго представительства. Въ формѣ сенатскихъ разъясненій правительство измѣнило избирательный законъ, лишивъ милліоны гражданъ избирательнаго права; поддерживая своихъ наемниковъ изъ союза русскихъ людей и своихъ

ствовать союзу русскихъ людей („Рѣчь", № 225), то не значитъ ли это, что организація власти подчинена погромной организаціи? Въ полной мѣрѣ и даже больше того сбылось, конечно, предсказаніе, что вмѣстѣ съ разгомомъ думы будутъ пущены въ ходъ свирѣпыя репрессіи; *этихъ* ожиданій русское правительство никогда еще не обмануло. Правительство Столыпина пошло въ этомъ направленіи дальше, чѣмъ можно было вѣрить даже послѣ управленія Дурново. Все его управленіе носитъ характеръ мрачнаго запоя —ни разумнаго разсчета, ни порыва, ни страсти; преслѣдуютъ, душатъ и убиваютъ сегодня потому, что и вчера преслѣдовали, душили и убивали; завтра будутъ дѣлать то же, потому что это уже дѣлается сегодня. Въ то же время правительство, презирая всѣ права народнаго представительства, проводитъ помимо него, на свой рискъ и страхъ, всякіе законы, какіе только находитъ нужнымъ въ цѣляхъ борьбы съ народомъ. Знаменитой 87 статьей основныхъ законовъ министерство пользуется съ безстыдствомъ, на какое способны только истинные варвары или люди въ безнадежно пьяномъ состояніи.

Нуждаясь опять и опять въ европейскомъ золотѣ, правительство не отваживается еще завершить государственный переворотъ, въ главной части своей уже сдѣланный, и среди мрака реакціи граждане снова призываются къ избирательнымъ урнамъ. Но при этомъ министерство не останавливается ни предъ какими средствами, ни предъ какимъ насиліемъ, чтобы получить чистопробное европейское золото подъ залогъ не настоящаго, а фальсифицированного народнаго представительства. Въ формѣ сенатскихъ разъясненій правительство измѣнило избирательный законъ, лишивъ милліоны гражданъ избирательнаго права; поддерживая своихъ наемниковъ изъ союза русскихъ людей и своихъ

прислужниковъ изъ союза октябристовъ всѣми рессурсами власти, оно все многомилліоное населеніе Россіи гонитъ въ подполье, ожесточенно преслѣдуя *всякое* проявленіе общественно-политической жизни; предвыборную агитацію граждане могутъ вести только на ухо другъ другу, да и это лишь съ большой опасностью. И если бы при всемъ томъ собралась дума, неугодная правителямъ, то уже заранѣе рѣшено ее разогнать; этого не скрываютъ даже особенно тщательно.

Стоитъ ли и слѣдуетъ ли при такихъ условіяхъ, гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ во время первой кампаніи, участвовать въ выборахъ и въ думѣ? Всѣ общественныя группы, бойкотировавшія прошлые выборы, рѣшили безъ всякихъ почти колебаній, что слѣдуетъ, и, поскольку это возможно, энергично ведутъ уже избирательную кампанію. Кадетская печать, какъ и соціалъ-демократящіе обыватели изъ „Товарища", объясняютъ это рѣшеніе прежнихъ бойкотистовъ очень просто: умудренные опытомъ, они отказываются отъ своей ошибочной тактики. Это объясненіе столь же просто, сколь произвольно. Совершенно очевидно, что противоположныя рѣшенія одного и того же вопроса въ *разное* время, при разныхъ обстоятельствахъ, не доказываетъ еще ошибочности одного изъ нихъ; кто одѣваетъ въ крещенскіе морозы шубу, которую онъ отказывался одѣвать въ лѣтніе жаркіе дни, правъ въ обоихъ случаяхъ. Но если бы было вѣрно, что идея бойкота, точнѣе—то пониманіе нашей дѣйствительности, изъ котораго въ прошлую кампанію вытекалъ бойкотъ, уже теперь оставлено, то прежніе бойкотисты могли бы довольствоваться почетнымъ и высокимъ положеніемъ раскаявшихся грѣшниковъ, до котораго не всегда могутъ подняться никогда не грѣшившіе праведники; спорить о томъ, были они правы или нѣтъ во время прошлыхъ выборовъ, не стоило бы: не такое теперь

прислужниковъ изъ союза октябристовъ всѣми рессурсами власти, оно все многомиллiоное населенiе Россiи гонитъ въ подполье, ожесточенно преслѣдуя *всякое* проявленiе общественно-политической жизни; предвыборную агитацiю граждане могутъ вести только на ухо другъ другу, да и это лишь съ большой опасностью. И если бы при всемъ томъ собралась дума, неугодная правителямъ, то уже заранѣе рѣшено ее разогнать; этого не скрываютъ даже особенно тщательно.

Стоитъ ли и слѣдуетъ ли при такихъ условiяхъ, гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ во время первой кампанiи, участвовать въ выборахъ и въ думѣ? Всѣ общественныя группы, бойкотировавшiя прошлые выборы, рѣшили безъ всякихъ почти колебанiй, что слѣдуетъ, и, поскольку это возможно, энергично ведутъ уже избирательную кампанiю. Кадетская печать, какъ и соцiалъ-демократящiе обыватели изъ „Товарища", объясняютъ это рѣшенiе прежнихъ бойкотистовъ очень просто: умудренные опытомъ, они отказываются отъ своей ошибочной тактики. Это объясненiе столь же просто, сколь произвольно. Совершенно очевидно, что противоположныя рѣшенiя одного и того же вопроса въ *разное* время, при разныхъ обстоятельствахъ, не доказываетъ еще ошибочности одного изъ нихъ; кто одѣваетъ въ крещенскiе морозы шубу, которую онъ отказывался одѣвать въ лѣтнiе жаркiе дни, правъ въ обоихъ случаяхъ. Но если бы было вѣрно, что идея бойкота, точнѣе—то пониманiе нашей дѣйствительности, изъ котораго въ прошлую кампанiю вытекалъ бойкотъ, уже теперь оставлено, то прежнiе бойкотисты могли бы довольствоваться почетнымъ и высокимъ положенiемъ раскаявшихся грѣшниковъ, до котораго не всегда могутъ подняться никогда не грѣшившие праведники; спорить о томъ, были они правы или нѣтъ во время прошлыхъ выборовъ, не стоило бы: не такое теперь

время. Но „вопросъ о бойкотѣ, понимаемый широко, это—вопросъ о значеніи—количественномъ и качественномъ, въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ—парламентскаго дѣйствія вообще“—говорилъ я уже въ самомъ началѣ этой брошюры. И этотъ вопросъ, какъ рѣшался разно прежде бойкотистами и парламентаріями, такъ рѣшается онъ и теперь; и именно теперь, когда всѣ рѣшили идти къ урнамъ, важно уяснить себѣ и другимъ, что тѣ воззрѣнія и стремленія, которыя въ прошлую кампанію выразились въ бойкотѣ, съ одной стороны, и участіе — съ другой, стоятъ по прежнему другъ противъ друга.

Бойкотъ не отрицалъ парламентскаго дѣйствія вообще, на всѣ времена, или хотя-бы для всего времени, пока будетъ длиться борьба; бойкотисты не кричали: „долой парламентъ! да здравствуетъ революція!“; они не говорили: „народъ придетъ и возьметъ голыми руками“. Все это жалкія потуги на глубокомысліе и остроуміе, мимо которыхъ можно пройти, не останавливаясь. Вопросъ о бойкотѣ, это—вопросъ о соотношеніи, при данныхъ условіяхъ, между борьбою внутри думы и борьбою внѣ ея стѣнъ. И въ прошлую кампанію бойкотисты рѣшали этотъ вопросъ такъ, что первый изъ этихъ двухъ видовъ борьбы сталкивается съ послѣднимъ, дѣйствуетъ въ противоположномъ ему направленіи. Какъ всякое такое рѣшеніе, оно, подъ вліяніемъ различныхъ импульсовъ, принято было одними, какъ очевидная истина; другіе, пытаясь подъ давленіемъ такихъ же импульсовъ такъ или иначе обосновать свое рѣшеніе, связывали его съ привычными понятіями, словами, формулами, какъ „учредительное собраніе“, напримѣръ, точно также, какъ въ противномъ лагерѣ противоположное рѣшеніе связывалось съ привычными въ той средѣ словами, какъ „организованная борьба“, „конституціонная борьба“ и

время. Но „вопросъ о бойкотѣ, понимаемый широко, это—вопросъ о значеніи—количественномъ и качественномъ, въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ—парламентскаго дѣйствія вообще“—говорилъ я уже въ самомъ началѣ этой брошюры. И этотъ вопросъ, какъ рѣшался разно прежде бойкотистами и парламентаріями, такъ рѣшается онъ и теперь; и именно теперь, когда всѣ рѣшили идти къ урнамъ, важно уяснить себѣ и другимъ, что тѣ воззрѣнія и стремленія, которыя въ прошлую кампанію выразились въ бойкотѣ, съ одной стороны, и участіе — съ другой, стоятъ по прежнему другъ противъ друга.

Бойкотъ не отрицалъ парламентскаго дѣйствія вообще, на всѣ времена, или хотя-бы для всего времени, пока будетъ длиться борьба; бойкотисты не кричали: „долой парламентъ! да здравствуетъ революція!“; они не говорили: „народъ придетъ и возьметъ голыми руками“. Все это жалкія потуги на глубокомысліе и остроуміе, мимо которыхъ можно пройти, не останавливаясь. Вопросъ о бойкотѣ, это—вопросъ о соотношеніи, при данныхъ условіяхъ, между борьбою внутри думы и борьбою внѣ ея стѣнъ. И въ прошлую кампанію бойкотисты рѣшали этотъ вопросъ такъ, что первый изъ этихъ двухъ видовъ борьбы сталкивается съ послѣднимъ, дѣйствуетъ въ противоположномъ ему направленіи. Какъ всякое такое рѣшеніе, оно, подъ вліяніемъ различныхъ импульсовъ, принято было одними, какъ очевидная истина; другіе, пытаясь подъ давленіемъ такихъ же импульсовъ такъ или иначе обосновать свое рѣшеніе, связывали его съ привычными понятіями, словами, формулами, какъ „учредительное собраніе“, напримѣръ, точно также, какъ въ противномъ лагерѣ противоположное рѣшеніе связывалось съ привычными въ той средѣ словами, какъ „организованная борьба“, „конституціонная борьба“ и

пр.; третьи, наконецъ, пытались обосновать это рѣшеніе анализомъ конкретныхъ условій—дѣйствующихъ въ странѣ силъ, господствующихъ въ данный моментъ настроеній и т. д... И поскольку рѣшеніе бойкотировать выборы и думу обосновывалось анализомъ, оно опиралось на слѣдующія положенія. Дума не въ состояніи будетъ объединить борющихся въ странѣ силъ, борьба пройдетъ мимо думы, а не черезъ нее, и именно потому дума будетъ безвластна и безсильна; не будучи въ состояніи стать объединяющимъ центромъ борьбы, дума не сможетъ служить и *однимъ изъ ея орудій*; въ сознаніи народа, она, при данныхъ условіяхъ, будетъ не однимъ изъ орудій борьбы, а единственнымъ, замѣной всякой борьбы; въ дѣйствительности же дума будетъ сама по себѣ, а народная борьба сама по себѣ; будучи для народа лишь призракомъ, она въ рукахъ борющейся съ народомъ власти будетъ дѣйствительнымъ и опаснымъ орудіемъ—таковы, приблизительно положенія, изъ которыхъ исходилъ бойкотъ. Останавливаться здѣсь на разборѣ и доказательствѣ этихъ положеній нѣтъ надобности; развитію этихъ мыслей посвящены предыдущія страницы. Пусть читатель теперь, когда и выборы въ первую думу, и сама дума, и разгонъ ея стали уже достояніемъ исторіи, сравнитъ сказанное о жизни и смерти думы на предыдущихъ страницахъ съ тѣмъ, что по этому же поводу говорилось не только въ кадетскихъ, но и въ меньшевистскихъ органахъ печати, и затѣмъ рѣшаетъ, кто правильнѣе оцѣнивалъ положеніе вещей.

Нужно только замѣтить, что, не признавая думы орудіемъ непосредственной борьбы, бойкотисты вовсе не отрицали и не отрицаютъ ея агитаціоннаго значенія; но это нисколько не могло и не можетъ служить доводомъ противъ бойкота. Дума могла *оказаться* агитаціонной трибуной, но не могла быть для этого *пред-*

пр.; третьи, наконецъ, пытались обосновать это рѣшеніе анализомъ конкретныхъ условій—дѣйствующихъ въ странѣ силъ, господствующихъ въ данный моментъ настроеній и т. д... И поскольку рѣшеніе бойкотировать выборы и думу обосновывалось анализомъ, оно опиралось на слѣдующія положенія. Дума не въ состояніи будетъ объединить борющихся въ странѣ силъ, борьба пройдетъ мимо думы, а не черезъ нее, и именно потому дума будетъ безвластна и безсильна; не будучи въ состояніи стать объединяющимъ центромъ борьбы, дума не сможетъ служить и *однимъ изъ ея орудій*; въ сознаніи народа, она, при данныхъ условіяхъ, будетъ не однимъ изъ орудій борьбы, а единственнымъ, замѣной всякой борьбы; въ дѣйствительности же дума будетъ сама по себѣ, а народная борьба сама по себѣ; будучи для народа лишь призракомъ, она въ рукахъ борющейся съ народомъ власти будетъ дѣйствительнымъ и опаснымъ орудіемъ—таковы, приблизительно положенія, изъ которыхъ исходилъ бойкотъ. Останавливаться здѣсь на разборѣ и доказательствѣ этихъ положеній нѣтъ надобности; развитію этихъ мыслей посвящены предыдущія страницы. Пусть читатель теперь, когда и выборы въ первую думу, и сама дума, и разгонъ ея стали уже достояніемъ исторіи, сравнитъ сказанное о жизни и смерти думы на предыдущихъ страницахъ съ тѣмъ, что по этому же поводу говорилось не только въ кадетскихъ, но и въ меньшевистскихъ органахъ печати, и затѣмъ рѣшаетъ, кто правильнѣе оцѣнивалъ положеніе вещей.

Нужно только замѣтить, что, не признавая думы орудіемъ непосредственной борьбы, бойкотисты вовсе не отрицали и не отрицаютъ ея агитаціоннаго значенія; но это нисколько не могло и не можетъ служить доводомъ противъ бойкота. Дума могла *оказаться* агитаціонной трибуной, но не могла быть для этого *пред-*

назначена. Люди, которые совершенно ясно видѣли и безсиліе думы и прямой вредъ ея въ дѣлѣ народной борьбы, не могли и не должны были ни сами итти въ думу, ни другихъ въ нее звать. И если вопреки бойкоту дума собралась и все ея значеніе свелось къ агитаціи, то *этому* дѣйствію ея бойкотъ нисколько не помѣшалъ; наоборотъ, благодаря бойкоту сила думской агитаціи увеличилась вдвое: вѣдь, дума всей своей жизнью, каждымъ днемъ своей дѣятельности, убѣждала народъ на дѣлѣ въ томъ именно, о чемъ говорили ему бойкотисты.

Чѣмъ же отличается настоящій моментъ отъ того времени, когда предстояла первая кампанія? Почему отвергается теперь бойкотъ тѣми, которые въ то время за него боролись? Между тѣмъ моментомъ, когда возникъ споръ о бойкотѣ, и настоящимъ моментомъ лежитъ почти цѣлый годъ времени, выборная кампанія, дума и разгонъ ея—въ этомъ отвѣтъ. Если въ декабрѣ и январѣ, когда полъ-Россіи пылало еще въ революціонномъ огнѣ, можно было думать, что пропагандѣ бойкота удастся увлечь значительную часть общества, а если это и не удастся, то революціонный процессъ, новая революціонная волна сорветъ выборы, то теперь такіе разсчеты невозможны. Можно и не соглашаться съ тѣмъ, что „героическій періодъ позади насъ“, что революціи наступилъ конецъ, но нельзя не признавать, что народная борьба носитъ теперь иной характеръ, что, проникнувъ далеко въ глубь массы и захвативъ всѣ жизненныя отношенія, революція стала болѣе громоздкой. И силы революціи и противодѣйствующія ей силы до чрезвычайности усложнились и перепутались, инерція революціи возросла сообразно съ ея массой. „Общее выступленіе“ при такихъ условіяхъ, не невозможно, конечно; оно возможно и завтра и черезъ мѣсяцъ, но узнать, когда именно оно будетъ, мы ра-

назначена. Люди, которые совершенно ясно видѣли и безсиліе думы и прямой вредъ ея въ дѣлѣ народной борьбы, не могли и не должны были ни сами итти въ думу, ни другихъ въ нее звать. И если вопреки бойкоту дума собралась и все ея значеніе свелось къ агитаціи, то *этому* дѣйствію ея бойкотъ нисколько не помѣшалъ; наоборотъ, благодаря бойкоту сила думской агитаціи увеличилась вдвое: вѣдь, дума всей своей жизнью, каждымъ днемъ своей дѣятельности, убѣждала народъ на дѣлѣ въ томъ именно, о чемъ говорили ему бойкотисты.

Чѣмъ же отличается настоящій моментъ отъ того времени, когда предстояла первая кампанія? Почему отвергается теперь бойкотъ тѣми, которые въ то время за него боролись? Между тѣмъ моментомъ, когда возникъ споръ о бойкотѣ, и настоящимъ моментомъ лежитъ почти цѣлый годъ времени, выборная кампанія, дума и разгонъ ея—въ этомъ отвѣтъ. Если въ декабрѣ и январѣ, когда полъ-Россіи пылало еще въ революціонномъ огнѣ, можно было думать, что пропагандѣ бойкота удастся увлечь значительную часть общества, а если это и не удастся, то революціонный процессъ, новая революціонная волна сорветъ выборы, то теперь такіе разсчеты невозможны. Можно и не соглашаться съ тѣмъ, что „героическій періодъ позади насъ“, что революціи наступилъ конецъ, но нельзя не признавать, что народная борьба носитъ теперь иной характеръ, что, проникнувъ далеко въ глубь массы и захвативъ всѣ жизненныя отношенія, революція стала болѣе громоздкой. И силы революціи и противодѣйствующія ей силы до чрезвычайности усложнились и перепутались, инерція революціи возросла сообразно съ ея массой. „Общее выступленіе“ при такихъ условіяхъ, не невозможно, конечно; оно возможно и завтра и черезъ мѣсяцъ, но узнать, когда именно оно будетъ, мы ра-

зумѣется, не можемъ, а презумпція такова, что революція приняла затяжной характеръ, и громкія событія наступаютъ не часто. Съ другой стороны, гораздо дальше пошла теперь дифференціація общества. Теперь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что значительнѣйшая часть прогрессивнаго общества, не будучи фактически въ состояніи бороться какъ нибудь иначе, пойдетъ къ урнамъ всякій разъ, когда только ее къ нимъ подпустятъ; а если будетъ избирать „общество", будетъ избирать и „народъ". Выборы, слѣдовательно, будутъ. Должны ли прежніе бойкотисты принять въ нихъ участіе? Должны, ибо уже самимъ фактомъ своего участія и тѣмъ вліяніемъ, которое оно окажетъ на результаты выборовъ, они будутъ противодѣйствовать реакціи.

Въ декабрѣ прошлаго года призывъ въ думу означалъ, сравнительно съ только что пережитымъ и далеко даже еще не изжитымъ, прекращеніе военныхъ дѣйствій и переходъ воюющихъ сторонъ къ мирному сотрудничеству; непосредственно призывъ въ думу означалъ пораженіе революціи и побѣду усмирителей. Въ настоящій моментъ этотъ призывъ имѣетъ какъ разъ обратное значеніе. Каковы бы ни были перспективы будущаго, какъ бы велики ни были шансы революціи, въ настоящій моментъ „вся полнота власти" находится въ рукахъ г. г. Дубровина, Булацеля и Пуришкевича. И если тѣмъ не менѣе дума созывается, то это значитъ, что черное самовластіе, при всѣхъ своихъ побѣдахъ, не въ состояніи осуществить государственный переворотъ; призывъ въ думу означаетъ теперь пораженіе реакціи. Дума теперь не проблема, а историческій фактъ большихъ размѣровъ. Она однажды была уже собрана, шумно и блестяще прожила 72 дня; въ ней произносились пламенныя рѣчи, которымъ съ трепетомъ внимала вся страна; въ ней вырабатывались законопро-

зумѣется, не можемъ, а презумпція такова, что революція приняла затяжной характеръ, и громкія событія наступаютъ не часто. Съ другой стороны, гораздо дальше пошла теперь дифференціація общества. Теперь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что значительнѣйшая часть прогрессивнаго общества, не будучи фактически въ состояніи бороться какъ нибудь иначе, пойдетъ къ урнамъ всякій разъ, когда только ее къ нимъ подпустятъ; а если будетъ избирать „общество", будетъ избирать и „народъ". Выборы, слѣдовательно, будутъ. Должны ли прежніе бойкотисты принять въ нихъ участіе? Должны, ибо уже самимъ фактомъ своего участія и тѣмъ вліяніемъ, которое оно окажетъ на результаты выборовъ, они будутъ противодѣйствовать реакціи.

Въ декабрѣ прошлаго года призывъ въ думу означалъ, сравнительно съ только что пережитымъ и далеко даже еще не изжитымъ, прекращеніе военныхъ дѣйствій и переходъ воюющихъ сторонъ къ мирному сотрудничеству; непосредственно призывъ въ думу означалъ пораженіе революціи и побѣду усмирителей. Въ настоящій моментъ этотъ призывъ имѣетъ какъ разъ обратное значеніе. Каковы бы ни были перспективы будущаго, какъ бы велики ни были шансы революціи, въ настоящій моментъ „вся полнота власти" находится въ рукахъ г. г. Дубровина, Булацеля и Пуришкевича. И если тѣмъ не менѣе дума созывается, то это значитъ, что черное самовластіе, при всѣхъ своихъ побѣдахъ, не въ состояніи осуществить государственный переворотъ; призывъ въ думу означаетъ теперь пораженіе реакціи. Дума теперь не проблема, а историческій фактъ большихъ размѣровъ. Она однажды была уже собрана, шумно и блестяще прожила 72 дня; въ ней произносились пламенныя рѣчи, которымъ съ трепетомъ внимала вся страна; въ ней вырабатывались законопро-

екты, которые приковывали къ себѣ вниманіе не только всей Россіи, но и всего культурнаго міра; она была разогнана, и фактъ этотъ вызвалъ возмущеніе и негодованіе въ Россіи и за ея предѣлами. Всѣмъ этимъ, своей жизнью и своей смертью, она оставила слѣды въ сознаніи людей, связала себя съ ихъ разсчетами, чаяніями, настроеніями. Хорошо это или дурно, что въ многосложную историческую ткань, вырабатывающуюся теперь въ Россіи, вплетены уже теперь парламентскія нити, но разъ это—фактъ, то было бы нелѣпо, если бы бойкотисты стали на точку зрѣнія сварливой жены—я тебѣ говорила, ты меня не послушалъ, теперь мое дѣло—сторона. Въ настоящій моментъ, когда революція загнана внутрь, когда огромная работа молекулярныхъ силъ внутри народнаго организма проявляется наружу только разрозненными вспышками, дальнѣйшія судьбы думы получаютъ особое значеніе по своему вліянію на умы и настроеніе массы людей.

Совершенно назависимо отъ того, много ли вреда принесла бы реакціонная дума своей дѣятельностью и, наоборотъ, много ли пользы принесла бы дѣятельность оппозиціонной или революціонной думы, самъ фактъ реакціоннаго состава думы непосредственно ободрилъ бы реакцію и нанесъ бы ущербъ революціи. Не только военно-полевые успокоители и тѣ черныя сферы, по ордеру которыхъ они дѣйствуютъ, усмотрѣли бы въ этомъ фактѣ потвержденіе тому, что въ Россіи нѣтъ революціи, а только крамола, и воспрянули бы духомъ, но этому повѣрила бы и вся Европа, и афоризмъ о бездарномъ правительствѣ и безсильной революціи очень скоро уступилъ бы мѣсто въ политическихъ салонахъ Берлина и Парижа афоризму о твердой власти и несозрѣвшемъ народѣ. Даже Россія, та самая масса россійскаго населенія, на глазахъ которой „успокоители" продѣлываютъ все бесчисленные подлоги и

екты, которые приковывали къ себѣ вниманіе не только всей Россіи, но и всего культурнаго міра; она была разогнана, и фактъ этотъ вызвалъ возмущеніе и негодованіе въ Россіи и за ея предѣлами. Всѣмъ этимъ, своей жизнью и своей смертью, она оставила слѣды въ сознаніи людей, связала себя съ ихъ разсчетами, чаяніями, настроеніями. Хорошо это или дурно, что въ многосложную историческую ткань, вырабатывающуюся теперь въ Россіи, вплетены уже теперь парламентскія нити, но разъ это—фактъ, то было бы нелѣпо, если бы бойкотисты стали на точку зрѣнія сварливой жены—я тебѣ говорила, ты меня не послушалъ, теперь мое дѣло—сторона. Въ настоящій моментъ, когда революція загнана внутрь, когда огромная работа молекулярныхъ силъ внутри народнаго организма проявляется наружу только разрозненными вспышками, дальнѣйшія судьбы думы получаютъ особое значеніе по своему вліянію на умы и настроеніе массы людей.

Совершенно назависимо отъ того, много ли вреда принесла бы реакціонная дума своей дѣятельностью и, наоборотъ, много ли пользы принесла бы дѣятельность оппозиціонной или революціонной думы, самъ фактъ реакціоннаго состава думы непосредственно ободрилъ бы реакцію и нанесъ бы ущербъ революціи. Не только военно-полевые успокоители и тѣ черныя сферы, по ордеру которыхъ они дѣйствуютъ, усмотрѣли бы въ этомъ фактѣ потвержденіе тому, что въ Россіи нѣтъ революціи, а только крамола, и воспрянули бы духомъ, по этому повѣрила бы и вся Европа, и афоризмъ о бездарномъ правительствѣ и безсильной революціи очень скоро уступилъ бы мѣсто въ политическихъ салонахъ Берлина и Парижа афоризму о твердой власти и несозрѣвшемъ народѣ. Даже Россія, та самая масса россійскаго населенія, на глазахъ которой „успокоители“ продѣлываютъ все бесчисленные подлоги и

подвохи, которая сама является объектомъ всѣхъ предвыборныхъ насилій, и она не могла бы не поддаться непосредственному впечатлѣнію факта; и на нее такой исходъ выборовъ произвелъ бы впечатлѣніе реакціи въ странѣ, т. е. она—на короткое, разумѣется, время—усумнилась бы въ самой себѣ, въ своемъ собственномъ настроеніе. Многомилліонное, разноплеменное, разрозненное тысячами естественныхъ и искусственныхъ перегородокъ населеніе обширной страны познаетъ себя съ большимъ трудомъ, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ тусклѣе поверхность общественной жизни, чѣмъ менѣе общенія между людскими массами; въ настоящій моментъ удача всѣхъ правительственныхъ махинацій на выборахъ, ободривъ завоевателей, несомнѣнно подѣйствовала бы угнетающе на народъ.

Эти соображенія не анулируютъ еще всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя въ прошлую компанію приводились, и приводились основательно, противъ участія въ выборахъ и въ думѣ. Осуществленіе своей верховной воли подъ генералъ-губернаторской командой остается, какъ и прежде, вопіющимъ психологическимъ противорѣчіемъ, богатымъ элементами всякаго рода разложенія; разъ приходится вести выборную компанію подпольно, то самой естественной формой такой компаніи являлся и теперь бойкотъ. Но само собой понятно, что и субъективная острота такого рода переживанія и объективное значеніе его мѣняются въ зависимости отъ всей совокупности условій, и что было невозможно и недопустимо „два-три мѣсяца послѣ проявленныхъ геройскихъ усилій,“ то возможно и допустимо при настоящихъ условіяхъ, выше слегка намѣченныхъ. Политика вообще не располагаетъ точными химическими вѣсами, а наша безконечно сложная, бурлящая, полная трагическихъ коллизій политическая жизнь—подавно. Только самодовольные доктринеры „разумной умѣренности“

подвохи, которая сама является объектомъ всѣхъ предвыборныхъ насилій, и она не могла бы не поддаться непосредственному впечатлѣнію факта; и на нее такой исходъ выборовъ произвелъ бы впечатлѣніе реакціи въ странѣ, т. е. она—на короткое, разумѣтся, время—усумнилась бы въ самой себѣ, въ своемъ собственномъ настроеніе. Многомилліонное, разноплеменное, разрозненное тысячами естественныхъ и искусственныхъ перегородокъ населеніе обширной страны познаетъ себя съ большимъ трудомъ, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ тусклѣе поверхность общественной жизни, чѣмъ менѣе общенія между людскими массами; въ настоящій моментъ удача всѣхъ правительственныхъ махинацій на выборахъ, ободривъ завоевателей, несомнѣнно подѣйствовала бы угнетающе на народъ.

Эти соображенія не анулируютъ еще всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя въ прошлую компанію приводились, и приводились основательно, противъ участія въ выборахъ и въ думѣ. Осуществленіе своей верховной воли подъ генералъ-губернаторской командой остается, какъ и прежде, вопіющимъ психологическимъ противорѣчіемъ, богатымъ элементами всякаго рода разложенія; разъ приходится вести выборную компанію подпольно, то самой естественной формой такой компаніи являлся и теперь бойкотъ. Но само собой понятно, что и субъективная острота такого рода переживанія и объективное значеніе его мѣняются въ зависимости отъ всей совокупности условій, и что было невозможно и недопустимо „два-три мѣсяца послѣ проявленныхъ геройскихъ усилій,“ то возможно и допустимо при настоящихъ условіяхъ, выше слегка намѣченныхъ. Политика вообще не располагаетъ точными химическими вѣсами, а наша безконечно сложная, бурлящая, полная трагическихъ коллизій политическая жизнь—подавно. Только самодовольные доктринеры „разумной умѣренности“

могутъ увѣрять себя и другихъ, что всѣ ихъ рѣшенія основаны на точныхъ разсчетахъ „холоднаго разсудка". Въ дѣйствительности при обсужденіи такихъ конкретныхъ вопросовъ, какъ участіе или неучастіе въ выборахъ и въ думѣ, можно только въ общемъ указать на важность и значительность тѣхъ политическихъ моментовъ, которые въ одномъ случаѣ склонили волю въ одну сторону, въ другомъ случаѣ—въ другую. Это именно я здѣсь и сдѣлалъ.

Мы говорили до сихъ поръ о выборахъ; но выборы ведутъ въ думу. Какъ относятся къ думѣ общественныя группы, прежде бойкотировавшія ее? Чего ждутъ онѣ отъ думы и что намѣрены въ ней дѣлать? Въ большинствѣ случаевъ отвѣчаютъ на это опять таки привычными словами и формулами, какъ: „мы будемъ въ думѣ бороться за учредительное собраніе", „мы вокругъ думы сорганизуемъ народныя силы для дальнѣйшей революціонной борьбы". Совершенно ясно, что въ этихъ словахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ; ибо вопросъ то въ томъ, что же именно нужно въ думѣ дѣлать, чтобы приблизиться къ учредительному собранію. Нужно ли, напримѣръ, возможно скорѣе издать законы, нормирующіе свободы, или же нужно отказываясь отъ всякой законодательной работы, звать народъ къ непосредственной борьбѣ за свои права. При всей неопредѣленности этихъ отвѣтовъ, они однако, не лишены очень важнаго содержанія; именно въ нихъ сказывается, что основная противоположность между бойкотистами и парламентаріями сохранилась и теперь. Продолжается ли революція или она уже окончена, точнѣе—продолжаетъ ли, и будетъ ли народъ продолжать борьбу всѣми доступными ему средствами, или же эта борьба окончилась и путь, единственный путь спасенія, лежитъ черезъ выборы и думу? Этотъ коренной вопросъ

могутъ увѣрять себя и другихъ, что всѣ ихъ рѣшенія основаны на точныхъ разсчетахъ „холоднаго разсудка". Въ дѣйствительности при обсужденіи такихъ конкретныхъ вопросовъ, какъ участіе или неучастіе въ выборахъ и въ думѣ, можно только въ общемъ указать на важность и значительность тѣхъ политическихъ моментовъ, которые въ одномъ случаѣ склонили волю въ одну сторону, въ другомъ случаѣ—въ другую. Это именно я здѣсь и сдѣлалъ.

Мы говорили до сихъ поръ о выборахъ; но выборы ведутъ въ думу. Какъ относятся къ думѣ общественныя группы, прежде бойкотировавшія ее? Чего ждутъ онѣ отъ думы и что намѣрены въ ней дѣлать? Въ большинствѣ случаевъ отвѣчаютъ на это опять таки привычными словами и формулами, какъ: „мы будемъ въ думѣ бороться за учредительное собраніе", „мы вокругъ думы сорганизуемъ народныя силы для дальнѣйшей революціонной борьбы". Совершенно ясно, что въ этихъ словахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ; ибо вопросъ то въ томъ, что же именно нужно въ думѣ дѣлать, чтобы приблизиться къ учредительному собранію. Нужно ли, напримѣръ, возможно скорѣе издать законы, нормирующіе свободы, или же нужно отказываясь отъ всякой законодательной работы, звать народъ къ непосредственной борьбѣ за свои права. При всей неопредѣленности этихъ отвѣтовъ, они однако, не лишены очень важнаго содержанія; именно въ нихъ сказывается, что основная противоположность между бойкотистами и парламентаріями сохранилась и теперь. Продолжается ли революція или она уже окончена, точнѣе—продолжаетъ ли, и будетъ ли народъ продолжать борьбу всѣми доступными ему средствами, или же эта борьба окончилась и путь, единственный путь спасенія, лежитъ черезъ выборы и думу? Этотъ коренной вопросъ

современной русской жизни рѣшается и теперь также разно, какъ и въ прошлую кампанію, и въ этомъ отношеніи пропасть между бойкотистами и парламентаріями даже углубилась. Въ кадетскихъ кругахъ считается теперь признакомъ политической зрѣлости говорить о революціи въ прошедшемъ времени; нѣтъ всеобщихъ забастовокъ, нѣтъ вооруженныхъ возстаній —нѣтъ, считается очевиднымъ, и революціи; и кадеты, совершенно послѣдовательно, съ большей еще настойчивостью, чѣмъ прежде, заявляютъ, что въ думѣ— все. Но прежнимъ бойкотистамъ, „крайнимъ", такое пониманіе нашей дѣйствительности представляется не политической зрѣлостью, а ребяческимъ верхоглядствомъ. Революція представляетъ собой сложный процессъ и имѣетъ свои фазы обостренія и относительнаго спокойствія. Отсутствіе въ данный моментъ массоваго выступленія не означаетъ еще конца революціи; наоборотъ, именно теперь происходитъ менѣе острый, но тѣмъ болѣе глубокій и всепроникающій процессъ разложенія старой Россіи. И трудно понять, какъ кадеты съ своей чисто революціонной программой могутъ надѣяться на успѣхъ на выборахъ,— вопреки всѣмъ подлогамъ и насиліямъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство,— разъ революціонное настроеніе въ странѣ упало. Революціонный процессъ развивается и углубляется; но въ то же время онъ еще не зашелъ такъ далеко, чтобы между воюющими сторонами возможенъ былъ сговоръ. По прежнему „власть и народъ стоятъ другъ противъ друга, готовые помѣряться еще силами"; минимумъ того, что дума должна дать, чтобы не потерять всякаго значенія въ странѣ, превосходитъ во много разъ тотъ максимумъ, на который можетъ пойти борющаяся за свое существованіе власть. При такихъ условіяхъ нормальная дѣятельность парламента, которая по существу есть не что иное, какъ

современной русской жизни рѣшается и теперь также разно, какъ и въ прошлую кампанію, и въ этомъ отношеніи пропасть между бойкотистами и парламентаріями даже углубилась. Въ кадетскихъ кругахъ считается теперь признакомъ политической зрѣлости говорить о революціи въ прошедшемъ времени; нѣтъ всеобщихъ забастовокъ, нѣтъ вооруженныхъ возстаній —нѣтъ, считается очевиднымъ, и революціи; и кадеты, совершенно послѣдовательно, съ большей еще настойчивостью, чѣмъ прежде, заявляютъ, что въ думѣ— все. Но прежнимъ бойкотистамъ, „крайнимъ", такое пониманіе нашей дѣйствительности представляется не политической зрѣлостью, а ребяческимъ верхоглядствомъ. Революція представляетъ собой сложный процессъ и имѣетъ свои фазы обостренія и относительнаго спокойствія. Отсутствіе въ данный моментъ массоваго выступленія не означаетъ еще конца революціи; наоборотъ, именно теперь происходитъ менѣе острый, но тѣмъ болѣе глубокій и всепроникающій процессъ разложенія старой Россіи. И трудно понять, какъ кадеты съ своей чисто революціонной программой могутъ надѣяться на успѣхъ на выборахъ,—вопреки всѣмъ подлогамъ и насиліямъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство,— разъ революціонное настроеніе въ странѣ упало. Революціонный процессъ развивается и углубляется; но въ то же время онъ еще не зашелъ такъ далеко, чтобы между воюющими сторонами возможенъ былъ сговоръ. По прежнему „власть и народъ стоятъ другъ противъ друга, готовые помѣряться еще силами"; минимумъ того, что дума должна дать, чтобы не потерять всякаго значенія въ странѣ, превосходитъ во много разъ тотъ максимумъ, на который можетъ пойти борющаяся за свое существованіе власть. При такихъ условіяхъ нормальная дѣятельность парламента, которая по существу есть не что иное, какъ

сговоръ между властью и народомъ, не возможна. И въ заявленіяхъ прежнихъ бойкотистовъ, что дума, самое большое, сможетъ стать лишь однимъ изъ орудій борьбы, не революціонныя вожделѣнія выражаются, а констатируется историческій фактъ. На вопросъ, что они будутъ дѣлать въ думѣ, бойкотисты поэтому и не могутъ дать болѣе опредѣленнаго отвѣта, чѣмъ слѣдующій: они будутъ стремиться къ тому, чтобы связать дѣятельность думы съ борьбою народа внѣ думы; этотъ отвѣтъ они и даютъ въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ.

Но сможетъ ли дума быть хоть однимъ изъ орудій борьбы? Возлагать слишкомъ много надеждъ въ этомъ смыслѣ на думу несомнѣнно было бы неосновательно. Все что было сказано во второй главѣ этой брошюры объ отсутствіи фактическихъ связей между октроированной думой и народомъ, сохраняетъ свою силу и теперь. Тѣмъ не менѣе связь между второй думой и общенародной борьбой гораздо болѣе возможна, чѣмъ это было возможно для первой думы. Наивная вѣра народа въ чудодѣйственность думы основательно разрушена судьбой первой думѣ, и сами избиратели, по крайней мѣрѣ ,тѣ избиратели, которые пошлютъ въ думу прежнихъ бойкотистовъ, смотрятъ на думу лишь какъ на одно изъ орудій борьбы. Жизнь въ этомъ отношеніи приблизилась къ бойкотистамъ. Это дѣлаетъ для нихъ участіе въ думѣ возможнымъ; общее положеніе вещей дѣлаетъ его обязательнымъ.

соговоръ между властью и народомъ, не возможна. И въ заявленіяхъ прежнихъ бойкотистовъ, что дума, самое большое, сможетъ стать лишь однимъ изъ орудій борьбы, не революціонныя вожделѣнія выражаются, а констатируется историческій фактъ. На вопросъ, что они будутъ дѣлать въ думѣ, бойкотисты поэтому и не могутъ дать болѣе опредѣленнаго отвѣта, чѣмъ слѣдующій: они будутъ стремиться къ тому, чтобы связать дѣятельность думы съ борьбою народа внѣ думы; этотъ отвѣтъ они и даютъ въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ.

Но сможетъ ли дума быть хоть однимъ изъ орудій борьбы? Возлагать слишкомъ много надеждъ въ этомъ смыслѣ на думу несомнѣнно было бы неосновательно. Все что было сказано во второй главѣ этой брошюры объ отсутствіи фактическихъ связей между октроированной думой и народомъ, сохраняетъ свою силу и теперь. Тѣмъ не менѣе связь между второй думой и общенародной борьбой гораздо болѣе возможна, чѣмъ это было возможно для первой думы. Наивная вѣра народа въ чудодѣйственность думы основательно разрушена судьбой первой думѣ, и сами избиратели, по крайней мѣрѣ ,тѣ избиратели, которые пошлютъ въ думу прежнихъ бойкотистовъ, смотрятъ на думу лишь какъ на одно изъ орудій борьбы. Жизнь въ этомъ отношеніи приблизилась къ бойкотистамъ. Это дѣлаетъ для нихъ участіе въ думѣ возможнымъ; общее положеніе вещей дѣлаетъ его обязательнымъ.

Книгоиздательство „Новое Товарищество“.

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 12. Телефонъ № 120-20.

Ф. А. Бейерлейнъ. Вечерняя зоря. 35 к.
Протоколы 2-го съезда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. 30 к.
С. Закъ. Земля и капитализмъ. 25 к.
С. Закъ. Демократизація земства. 25 к.
Борецкій. Борьба Венгріи за независимость. 22 к.
Б. Баксъ и Г. Квелчъ. Соціалистическій катехизисъ. } 20 к.
Г. Лазаревъ. Аграрный катехизисъ. } 20 к.
Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. 60 к.
В. Черновъ. Монист. точка зрѣнія. 12 к. 2-е изд.
В. Черновъ. Крест. и рабоч. 15 к. 3 изд.
Х. Житловскій. Матеріализмъ и діалект. логика. 20 к.
І. Бикерманъ. Госуд. Дума и революція. 10 к.
В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к.
В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. 20 к.
Оларъ. Отъ монарх. къ респ. 10 к.
С. Закъ. Соціал. и агр. вопросъ. 35 к.
По Ленотру. Путеш. на эшаф. 25 к.
С. Ан-скій. Крест. вопр. во Фр. 7 к.
А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соціаль-демократы «Деревенской бѣднотѣ». 10 к. 2-е изд.
Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. 50 к.
С. Закъ. Крестьянство и соціализація земли. 15 к.
В. В. Соціальное преобразованіе Россіи. 18 к.
Гильдебрандъ. Фома Мюнцеръ. 20 к.
К. Качоровскій. Русская община. Т. І. 1 р. 75 к. 2-е изд.
П. Якубовичъ. С. Я. Надсонъ. 12 к.

Популярная библіотека.

1. Гардинсъ. Почему я соціал.? 4 к. 2-е изд.
2. Лазаревъ. Какъ крестьянамъ дали волю. 4 к. 2-е изд.
3. Ренаръ. Во франц. деревнѣ. 3 к.
4. Ристъ. Профессіональные союзы въ Англіи. 1 к.
5. В. П. Разстрига. 3 к. 2-е изд.
6. В. Порфирьевъ. «Жить стыд.» 2 к. 2-е изд.
7. Огановскій. Освобож. земли. 6 к.
8. Абрамова. Крест. и раб. 2 к.
9. Н. Сибирякъ. Что даетъ «соціализація» земли труд. народу? 7 к.
10. Смолова. Народъ и король. 2 к.
11. Сибирякъ. Гдѣ лучше? 10 к.
12. Новоторжскій. Значеніе права на землю для раб. народ. 4 к.
13. Чернова. Какъ венгерцы борются за свои права. 4 к.
14. Матье. Соц. вопр. во время франц. рев. 5 к.
15. Николаевъ. Невид. под. 4 к. 3 изд.
16. Будэ. Товар. раб. артель. 5 к.
17. Вихляевъ. Какъ уравнять пользованіе землей. 6 к.
18. Звягинцевъ. Земельн. переустр. въ городахъ. 4 к.
19. Огановскій. Крест. община и соціализмъ. 8 к.
20. Новоторжскій. Націон. вопр., автоном. и федерація. 3 к.
21. Новоторжскій. Земельн. вопросъ въ Россіи. 10 к.
22. В. Дмитріева. Пчелы жужжатъ.
23. Тищенко. Кормил. въ тюрьмѣ. 5 к.
24. В. Муйжель. Аренда. 15 к.
25. Н. Огановскій. Какъ смотрятъ разныя политическія партіи на земельный вопросъ. 10 к.
26. И Николаевъ. Что такое констит.
27. Мироновъ. У сторожки. 3 к.
28. Тищенко. Крестьяне.

Печатаются:

С. Закъ. Промышленный капитализмъ въ Россіи.
Л. Бертранъ. Исторія демократіи и соціализма въ Бельгіи.
В. Черновъ. Философскіе и соціологическіе этюды.
Николай Морозовъ. Въ началѣ жизни.
Соціализація земли. Сборн. статей. 1-й вып. 60 к.
Л. Закъ. Регулиров. заработ. платы.
Житловскій. Соціализ. и свобода.
Л. Шишко. Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ.
Н. Борецкій. Революція въ 1848 г. въ Венгріи.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Отдѣленія склада: С.-Петербургъ, Кн. скл. «Школьное дѣло», Симферополь, Кн. маг. В. Волковой. Екатеринославъ, Кн. маг. «Образованіе». Тифлисъ, Кн. скл. бывшій О. Кайдановой. Одесса, Представитель «Союза издателей» Я. Р. Вугманъ, Елисаветинская, 4. Нижній-Новгородъ, Кн. маг. «Новь» Смоленскъ, Кн. маг. «Молодая Россія». Баку, Кн. маг. «Сотрудникъ». Уфа, Кн. маг. А. Прокофьева. Астрахань, Кн. маг. «Сотрудникъ». Кіевъ, Кн. скл. Е. Ирецкой, Крещатикъ. Владиміръ, Кн. маг. «Трудъ и Знаніе». Самара, Кн. маг. Е. Ивановой. Архангельскъ, Кн. маг. И. Максимова. Омскъ, Кн. маг. А. Александрова. Симбирскъ, Кн. маг. Л. Сахаровой.

2007058733